

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

КАФЕДРА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

На правах рукописи УДК

Гуламова Малика ЯКУБОВНА

**Лингвистические особенности современного итальянского
политического дискурса**

Специальность 5А 120102

Лингвистика (Итальянский язык)

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

**Работа рассмотрена и
обсуждена на кафедре
зав. кафедрой Сувонова Н**

«_____» _____ 2020 г

**Научный руководитель:
д.ф.н., доц. Киселев Д.А.**

Самарканд – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДИСКУРСА	8
1.1. Становление дискурса как объекта лингвистического исследования.....	8
1.2. Категории и атрибуты дискурса	13
1.3. Виды и типы дискурса	19
Вывод по Главе I	32
ГЛАВА II. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДИСКУРСА	34
2.1. Психолингвистический аспект дискурсивных исследований	34
2.2. Лингвопрагматический подход к изучению дискурса	36
Вывод по Главе II	43
ГЛАВА III. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	44
3.1. Лингвопрагматические характеристики политического дискурса	44
3.2. Современная политосфера Италии и политический дискурс.....	45
3.3. Метафора в современном итальянском политическом дискурсе	49
3.4. Лексическое и грамматическое своеобразие современного итальянского политического дискурса	52
3.5. Стилистическое и фразеологическое своеобразие современного итальянского политического дискурса	60
Вывод по Главе III.....	65
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	67
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	73

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и востребованность темы исследования. В настоящее время все большее внимание исследователей-лингвистов привлекают вопросы, связанные с функционированием языка как средства коммуникации в определенных условиях. Особого внимания заслуживают аспекты употребления языка в сфере общественно-политической деятельности. Одним из наиболее значимых уровней социальной коммуникации, без сомнения, является политический дискурс.

Общеизвестно, что политический дискурс, вне зависимости от конкретного языка, наделен схожим набором составных элементов, в частности на лексическом уровне. В то же время, речь всегда содержит элементы личного выбора говорящего, которые зависят не только от культуры и идеологии, которую он представляет, но от публики, к которой обращена речь.

Целью высшего образования является, прежде всего, подготовка высокопрофессиональных, конкурентоспособных кадров, способных обеспечить социально – экономическое и культурное развитие нашей страны, самостоятельно работать по избранной специальности в условиях рыночной экономики. В этой связи особо подчеркивается, что "наука и просвещение имеют первостепенное значение для повышения интеллектуального и духовного потенциала не только молодежи, но и всего нашего общества. Там, где не развивается наука, наблюдаются регресс, отсталость общества во всех сферах".¹

Исследование политического дискурса является актуальным направлением в современной лингвистике, как в отечественной, так и зарубежной. Сфера функционирования политического дискурса такова, что в ней особое значение приобретают экстралингвистические факторы, как

---

¹ Послание Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева Олий Мажлису от 24 января 2020 г. Режим доступа <https://president.uz/ru/lists/view/3324>

следствие политический дискурс может и должен быть рассмотрен не только в лингвистической перспективе, но и с позиций социологии и психологии.

Все вышесказанное определяет актуальность данного исследования, посвященного морфологическим, стилистическим, лексическим и фразеологическим особенностям итальянской разговорной речи, отраженным в политическом дискурсе Италии.

Степень изученности проблемы. Разговорная речь постоянно меняется в различных сферах (лексики, грамматики, фонетики и стилистики). В связи с этим необходимо изучать разговорную речь не только с точки зрения ее синхронии, но и диахронии. Это помогает определить происходящие и происходившие в ней процессы изменения, а также рассмотреть тенденции к появлению, исчезновению или трансформации различных явлений. Между тем, большинство лингвистов (М. Дардано, П. Трифоне, В.Д.Девкин, П. Д'Акилле, В.А.Ковин и др.) изучают в своих работах только современное состояние разговорной речи.

На современном этапе развития политическая лингвистика считается одним из бурно развивающихся и наиболее перспективных направлений лингвистики. Наименование этого направления указывает на предмет его исследования – политическая лингвистика занимается исследованием «политической коммуникации», т.е. речевой деятельности, которая ориентирована на пропаганду определенных идей, эмоциональное воздействие и побуждение граждан к политическим действиям, для принятия и обоснования политических и социальных решений в условиях многих точек зрения в социуме, для выработки общественного согласия. Цель политической лингвистики состоит в исследовании различных взаимоотношений между политическим состоянием общества, субъектами политической деятельности, коммуникацией, мышлением и языком. Именно поэтому главной задачей политической лингвистики является исследование взаимоотношений между субъектами политической деятельности, коммуникацией, мышлением, языком и политическим состоянием общества. В современном языкознании

одним из самых развивающихся направлений считается политическая лингвистика. Это положение можно определить как свидетельство обширной вовлеченности социума в политические процессы и, как результат, повышенного интереса науки в коммуникации в политической сфере.

К исследованию разнообразных аспектов предвыборного дискурса обращались зарубежные и отечественные исследователи. В частности, политическому дискурсу посвящены исследования В.Н. Базылева, Д.А. Бокмельдер, Э.В. Будаева, Р. Водак, Е.А. Репиной, А.П. Чудинова, Е.В. Бакумовой, А.Н. Баранова, Н.А. Синеоки, Е.И. Шейгал и других ученых. Исследованию когнитивной лингвистики, теории и истории развития дискурса в науке посвятили работы такие ученые, как В.Г. Борботько, В.И. Карасик, М.Л. Макаров, В.Е. Чернявская и другие.

Цель данного **исследования** заключается в изучении функционирования дискурса в политике а также лексических, фонетических, морфологических, стилистических явлений итальянской речи. Проблема перехода политического дискурса в социальную сферу, изучение его различных видов и сфер их функционирования является приоритетом в настоящей работе. В ходе анализа политического дискурса Италии также уделяется внимание вопросам педагогического сопровождения при изучении политического дискурса.

В соответствии с вышеназванной целью исследования необходимо решить следующие **задачи**:

1) определить основные характеристики современного итальянского политического дискурса с учетом различных точек зрения, существующих в современной лингвистике;

2) описать специфику передачи тех или иных особенностей текста или дискурса в речи итальянских политиков;

3) изучить стилистические, фонетические, лексические особенности дискурса итальянских политиков на итальянском языке на примере их предвыборной речи в парламенте Италии.

4) определить факторы, влияющие на использование морфологических, стилистических и лексических средств в создании экспрессивности в дискурсе современного мира политики.

В данной работе **объектом исследования** являются современный итальянский политический дискурс, как в письменной, так и в устной форме.

Предметом настоящего **исследования** являются грамматические, лексические, стилистические, лингвопрагматические и лингвокогнитивные особенности итальянского политического дискурса.

В данной работе использованы следующие **методы исследования**: стилистический, синтаксический и лексико-семантический анализ фрагментов текстов; семиотический анализ; элементы компонентного анализа лексических единиц; элементы контент-анализа; описательный метод и его главные компоненты (наблюдение, интерпретация, обобщение).

Научная новизна настоящего **исследования** заключается в следующем:

- политический дискурс определен как особый вид коммуникации, наделенный рядом лингвистических и экстралингвистических параметров;
- обоснована необходимость изучения политического дискурса с позиций социолингвистики и психолингвистики;
- определены форматы современного политического дискурса;
- уточнены лексические и стилистические особенности современного итальянского политического дискурса;
- выявлены и описаны особенности итальянской политической метафоры.

Материалом исследования послужили тексты из предвыборного обращения таких политиков как бывший премьер министр Италии Сильвио Берлускони, нынешний премьер министр Италии Джузеппе Конте и министр культуры. При цитировании в тексте диссертации сохранена орфография авторов. Было напечатано их речь как такова она была без изменений в итальянском языке потом была переведена на русский язык.

Теоретическое и практическое значение работы. Теоретическая значимость данного исследования заключается в обогащении новыми данными речи и стилистики итальянского языка. Результаты исследования, полученные с учетом прагматики, теории интерпретации дискурса политиками, способствуют раскрытию механизмов функционирования и взаимодействия культурных, социолингвистических, психолингвистических лексических, стилистических явлений политического дискурса и его использовании.

Практическая значимость настоящей работы состоит в возможности широкого использования ее результатов в теоретических курсах и семинарах по стилистике, лексикологии, фразеологии и стилистике современного итальянского языка а также использование на курсах по культурологии Италии. Данное исследование позволяет также создать на его основе пособия и спецкурсы, посвященные своеобразию итальянской разговорной речи, проблемам итальянской политической лингвистике а также разнообразные словари по политическим терминам.

Апробация результатов магистерской диссертации. Результаты данного исследования были представлены в виде научных докладов, представленных на научно-практических конференциях для студентов и магистрантов СамГИИЯ.

Опубликованность результатов исследования. По теме магистерской диссертации опубликованы 2 статьи в сборнике научных трудов и в сборнике материалов научной конференции в зарубежных научных изданиях.

Структура и объем диссертации. Магистерская диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы. Объем диссертации составляет 82 страницы печатного текста.

ГЛАВА I. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ДИСКУРСА

1.1. Становление дискурса как объекта лингвистического исследования

Лингвистика текста это активно развивающаяся область экспериментальных исследований лингвистов. Лингвистика текста – направление лингвистических исследований, целью которого является правила построения связного текста и его смысла, выражаемых по этим направлениям. Лингвистика текста формирует новые основы для анализа взаимоотношений языка и речи, позволяет анализировать данную связь непосредственно через текст. Наиболее естественным кажется определение лингвистика текста в рамках общей лингвистики, основывающееся на соотнесенности языка и речи; «язык становится видимым в форме текста» [43:124]. Корни данной дисциплины уходят в античную риторику, поэтику, изучавшие тексты, фигуры речи, семиотику и др. Однако текст в данных науках рассматривался как объект представляющейся в виде статистической структуры элементов и типов их связей. Необходимостью изучения лингвистики текста является обстоятельство двух периодов в истории развития лингвистики, первым из которых – это период исторической традиции структурной лингвистики первой половины XX в., основоположником которого по праву считается Ф. де Соссюр, предложивший разделение речевой деятельности на язык и речь.

В грамматике Н. Хомского можем увидеть, как это трансформируется в дихотомию – языковая компетенция и языковое употребление. Компетенция – это знание языка или иначе говоря, модель (ментальной) грамматики языка, в виде системы правил которые позволяют порождать и понимать множество правильных синтаксических структур, имеющих в данном языке и отвергать неправильные. Употребление это использование грамматических знаний т.е. компетенции в реальной речевой деятельности. [57:98]. По мнению Соссюра а также Хомского, лингвистам следует заниматься в

первую очередь языком, так называемой компетенцией языка а употребление относится к области других наук. Такой подход в лингвистике лидировал на протяжении большей части XX в. Однако в последние десятилетие появился другой подход в лингвистике который считает употребление речи не менее важной составляющей. Они исходят из того что в реальной жизни человек может использовать свои речевые компетенции различных видах и каждый из них своеобразный. Теория текста сложилась как научная дисциплина во второй половине XX в. формирование и развитие которой определяется в 1970-е года с возникновением нового направления лингвистического функционализма, ориентированного на изучение дискурса как более широкое понятие чем текст. Такие ученые как Т. Гивон, С. Томпсон, П. Хоппер, У. Чейф начинают изучать разновидности дискурса внутри которого также изучают лингвистику текста. Зарождение лингвистика текста часто связывают с подходом учёных изучать грамматику языка с единицами более обширными и сложными, чем предложение. Таким образом исследователи приходят к единому мнению что порядок слов в предложении и его связь с соседними предложениями обусловлено. Объектом изучения лингвистика текста несомненно является сам текст рассматриваемый на фоне единства его противоречивых свойств[13:89]. М.М Бахтин - один из первых исследователей текста подчёркивает противоречивую природу текста, отмечает что за каждым текстом стоит система языка, т.е. нечто повторяемое, воспроизводимое, а с другой стороны – индивидуальное, неповторимое. «Исследование тесно связанных между собой групп самостоятельных предложений значительно обогащает наши представления о синтаксической роли союзов и союзных слов, функции которых в качестве связующих средств между законченными предложениями сложнее и разнообразнее, чем при связи слов в простом предложении и частей сложного предложения» [42:54].

В 1970-х гг. лингвистика текста рассматривалась не только как результат речевой деятельности, но а также процесс, как язык в действии.

При формировании дисциплины лингвистика текста изучение происходило в двух направлениях. Первым являлся, определение текста как некая знаковая форма, образованная в ходе соотнесения с определенной ситуацией или же как структура коммуникации. Второе, текст объяснялся как процесс реализации смысла в знаковой форме. Изначально текст является не только объектом изучения лингвистики текста, но а также разных наук как философии, логики, социологии, психологии, поскольку имеет интегрированный характер. Большую роль в развитии теории текста сыграли концепции и теории европейских лингвистов, представителей пражского лингвистического кружка (К. Гаузенблад, П. Сгалл, Х.Изенберг), французской лингвистической школы(Ш. Балли, Э. Бенвенист, Р. Барт, Ю. Кристева, П. Серио, М. Пешё) а также российских лингвистических школ и направлений (В.В Виноградов, М.М Бахтин, Г.Я Солганик, М.Н. Кожина, Ю.М. Лотман и др). Лингвистика текста имеет свое место внутри таких наук как информатика, психология, лингвистика, риторика, прагматика, семиотика, социология. В настоящее время теория текста обладает собственным онтологическим статусом. Теория текста дисциплина основным ее объектом является текст вербальный, поэтому при описании текста важны данные, накопленные лингвистикой. Предметом данной науки являются признаки и характеристики (как структурные, так и функциональные) текста как коммуникативной единицы высшего уровня, как цельного речевого произведения. Понятие текст как единица речевого произведения начинает вызывать интерес у лингвистов начиная еще с 20–30-х годов XX в., который усиливается в 50-е годы XX в. в связи с изучением языка на функциональном аспекте, когда язык стал рассматриваться не как статическая система знаков, а как система живая динамическая. Текст - лингвистическое понятие, а также реальная единица общения.

Текст это понятие настолько разностороннее, что текстом можно рассмотреть одну загадку, афоризм или большой роман [18:57]. Таким образом, для объяснения, что такое текст в 20-х годах XX века начала

зарождаться сложная наука под названием лингвистика текста. Так как раньше изучались слова, словосочетания и предложения, а всё остальное языкознание исключала из своей сферы изучения. Начиная с этого периода текст, а равно и дискурс начинают понимать как сложное коммуникативное явление.

Дискурс (от фр. *discours* – речь) в широком смысле слова представляет собой сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов необходимых для понимания текста, т.е дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения. Традиционно дискурс имеет значение систематизированного письменного, но чаще всего речевого сообщения отдельного субъекта [26:102]. В течении времени термин получил широкое распространение в разных сферах коммуникации. В период становления дискурса как отдельной сфере в лингвистике выяснилось, что дискурс не ограничивается только устной или речевой деятельностью а также является внеязыковые, семиотические процессами в общении. Дискурс не является изолированной текстовой или диалогической структурой, ибо гораздо большее значение в его рамках приобретает паралингвистическое сопровождение речи (ритмическая, референтная, семантическая, эмоционально-оценочная и др.).

Таким образом, появляется термин-понятие «речевая деятельность» в практике общения. Текст это деятельность речевая и, в то же время, мыслительная говорящего или пишущего человека, рассчитанная на восприятие слушателя или читателя. Так рождается взаимосвязь трех сторон автор (производитель текста) – текст (материальное воплощение речемышлительной деятельности) – читатель (интерпретатор). Текст становится одновременно и результатом деятельности (автора), и материалом для деятельности (читателя-интерпретатора) [18:25].

При изучении текста еще много дискуссионных вопросов, нерешенных проблем. По сей день не установилось и употребление самого термина,

названия дисциплины. Текст изучается под разными названиями: кроме термина «теория текста», существуют термины «лингвистика текста», «структура текста», «герменевтика», «грамматика текста», «стилистика текста». Этот факт – свидетельство неустоявшейся терминологической практики, но и отражение того, что сам феномен текста предполагает разносторонность его изучения. Современном мире, текст воспринимается как продукт речевой деятельности и как единица динамическая и функциональная [24:47]. Исследователей текста интересует его информационная ценность. Таким образом, задача исследователей является улучшить литературную форму текста.

Исследователей текста (например, П. Хартманна, С. Якобсона, Г. Ейгера, В. Звегинцева, М. Гвенцадзе, О. Каменскую и др.) интересует, прежде всего, типология текстов и потому в качестве задачи ставится разработки самих принципов классификации текстов. В результате изучения текста, при его широком анализе, используя многочисленные текстовые материалы и по учету из других областей знания, можно раскрыть сущность текста, а также его использование в разных сферах деятельности. Текст подразумевает логическую связь между предложениями, и используется в различных сферах деятельности. В тексте может использоваться терминология, но сам факт, что составляющие текст предложения должны иметь логическую связь между собой остаётся неизбежным. Текст не является набором предложений без всякой когезии. Любой текст рассчитан на чье-либо восприятие: Великие люди пишут для потомков, специалист-ученый – для коллег, с целью передать свои знания, писатель для того чтобы поделиться своими чувствами и т.п.

В современном мире исследователи лингвисты начали изучать текст в процессе его использования в языковой деятельности, этот метод максимально естественный с точки зрения объекта и предмета лингвистического исследования. Используя аналогию из работы Р.М. Фрумкиной, можно сказать что анализ естественных дискурсов позволяет

нам анализировать «живые» (т.е. *in vivo*) языковые факты, в то время как более низкие уровни лингвистического анализа имеют дело с языковыми фактами «в пробирке» (т.е. *in vitro*). Так возникает лингвистический анализ дискурса как самая молодая из лингвистических дисциплин [46:89].

1.2. Категории и атрибуты дискурса

При выделении категорий дискурса мы принимаем во внимание известные семь признаков текстуальности, таких как связность, когерентность, интенциональность, доступность, информативность, ситуативность и интертекстуальность (от англ. *cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality, intertextuality*). Обратим внимание, что каждый из этих категорий формирует понятие для дифференциации текста и т.н. не-текста [30:12]. Рассмотрим основные атрибуты дискурса.

Информативность. Текст должен содержать точную информацию, то есть иметь признак информативности. Согласно этому очевидно, что следующие предложения текста должны дополнять новой информацией уже сказанное, а не повторять содержание предшествующих предложений.

Связность. Каждое предложение в тексте имеет свой определенный порядок и связан с остальными предложениями по значению и грамматически. Данный признак осуществляется не одним или несколькими методами, а довольно серьезной совокупностью разных средств. В каждом определенном произведении применяется, определенная их часть.

Смысловая целостность (цельность). Речевой продукт, который принимаем как целое, мы называем текстом. Смысловая целостность текста обеспечивается идентичностью его темы и основной мысли.

Завершенность. Текст полагается завершенным только тогда, когда читатель понял замысел автора и пришел к заключению о том, что получил требующуюся информацию о предмете речи. Следует упомянуть, что завершенность, как и целостность, выявляется на всем тексте, а не на его

индивидуальных частях. Относительно последних, можно говорить только об их относительной завершенности.

Членимость. Текст всегда разделяется на тома, части, главы, параграфы, абзацы, предложения. Кроме всего прочего, это полагается для удобного понимания информации.

Ситуативность. Соотнесенность с настоящей и придуманной ситуацией, на основе которой строится текст. Когда читатель осознает ситуацию, о которой говорится в тексте, он начинает понимать его. Поэтому кое-какие подробности, необходимые для правильного восприятия текста, но которых автор не описал, извлекаются из конкретной ситуации [30:44-45].

Когезия (от лат. *cohaesus* - “связанный”, “сцепленный”) представляет собой грамматическую и лексическую связность предложения или текста в лингвистике, которая связывает их как одно целое и придает им основной смысл; одна из главных характеристик текста и является одним из важных условий текстуальности. Когезию также называют структурной связностью текста. В современной лингвистике текста учитывают текстообразующие потенции когезии в области формирования кроме структурной, а также смысловой целостности речевого произведения. Понятие “когезия” используется при анализе дискурса, при толковании сложных смыслов текста, а также авторского замысла.

Наиболее широкое понятие когерентности текста – его целостность.

Лингвистические средства, которые обеспечивают когезию текста, не всегда содействуют понятию дискурса и не обязательно разрешают добиться его когерентности. Если в тексте целостно использованы фоновые знания, только в этом случае он является когерентным. Когезия обеспечивает внутреннюю лексико-грамматическую связанность текста, при которой толкование одних частей текста связано с другими, и именно это автору дает огромную возможность реализовать коммуникативную цель с доскональностью. Именно когерентность организует дискурса таким образом, что размышление и цель автора становится ясным читателю.

Термин “когерентность”, которое означает ясную смысловую целостность текста, то есть когезия это употребление определенных языковых единиц, эксплицитных союзов и форм. В своей книге Т.В. Милевский объясняет когезию как свойство элементов текста, когерентность - свойство текста в целом. Если когерентность является внешней, прагматической связанностью, тогда как когезия является внутренней структурной связанностью. Когерентность определяет выбор частей в языке, хотя внешне формально может не проявляться. Когерентность является шире когезии [37:20]. Это формально грамматическая связанность дискурса, тогда как когерентность включает также семантико-прагматические, тематические и функциональные аспекты, аспекты смысловой и интерактивной связанности дискурса глобальной также и локальной. В истории лингвистической теории когезию понимали как средство внутри текстовой связи. Постепенный прогресс в лингвистике текста также повлияло на более расширенное понимание когезии и начали принимать во внимание ее потенции в области формирования структурной и содержательной, то есть смысловой целостности произведения. Согласно некоторым лингвистам-исследователям средства когезии определяются когерентностью, имеется в виду глобальной связностью текста, потому что когезия охватывает не только формально грамматические аспекты, а также функциональные, семантико-прагматические аспекты смысловой и деятельной связи дискурса и именно это необходимо для линейности информации. Таким образом, оба когерентность и когезия играют важную роль в обеспечении целостности дискурса. Именно когезия и когерентность создают связный и понятный текст, реализующий ясный коммуникативный замысел, так как они включают логические, лексические, грамматические, стилистические и образные средства. Один и тот же текст, может быть рассмотрен средствами когезии и когерентности, представляя, собой разные аспекты связности текста и могут рассматриваться как разные уровни функционирования.

Философский термин “интенциональность”, который от латинского *intentio* означает “намерение”, означающее центральные свойства человеческого сознания [45:15]. Рассматривая историю этого термина можно обнаружить, что оно было использовано в средневековой философии у арабских философов XII-XIII веках. Философы использовали *intentio* в разных значениях высокой схоластики, как “нечто отличное от себя”.

Текст передает информацию, и именно количество информации это информационная насыщенность текста. “Информативность текста” – это новость для читателя, которая передается в теме в концепции автора и в системе авторских оценок предмета мысли.

Сообщить информацию, довести новизну читателю это и есть общая главная цель создания любого текста. Каждый написанный текст информирует нас о чем-либо и вся информация в тексте это его информационная насыщенность. Прежде всего, новая, полезная, прагматическая, необходимая информация является ценным показателем информативности текста. Абсолютный показатель качества это и есть информационная насыщенность текста, а информативность является относительным, так как степень информативности текста зависит от потенциального читателя.

Уровень смысло-содержательной новизны для каждого читателя, которая включена в тему, а также авторской концепции, системе авторских оценок предмета мысли, это и есть “информативность текста”. Нельзя сказать, что меры информативных качеств текста всегда одинаковы они могут снижаться или возрастать. Таким образом, с точки зрения прагматики текста информативность может снизиться, если информация неоднократно повторяется или наоборот, когда текст несет максимальное количество новой информации, качество текста естественно повышается. При определении содержательности текста наиболее важное это установление соотношения между высказыванием и ситуацией отраженной в нем, так как текст состоит из высказываний. Но полного соотношения между ними не имеется, то есть

между поверхностной структурой высказывания, как количество языковых знаков в нем, и глубинной структурой, как количество информации в нем. Это можно объяснить как асимметричность языкового знака. Асимметричность языкового знака можно объяснить тем, что на уровне означающих, единиц плана выражения, часто бывает намного меньше единиц, чем на уровне означаемых, то есть единиц плана содержания, просто выражаемых смыслов бывает больше чем количество слов [18:35]. Это считается как закон “нормального” рече- и текстообразования. Вопрос о семантической экономии или избыточности ставит несоответствие между означаемым и означающим, то есть он неодинаков, может быть большим или меньшим. Если в поверхностной структуре высказываний нет прямого указания на какой-либо или какие-либо элементы глубинной структуры, только в этом случае можно заметить семантическую экономию. А если в поверхностной структуре есть элементы, обозначающие один и тот же элемент глубинной структуры, то в этом случае наблюдается семантическая избыточность. Поэтому некоторые элементы смысла могут быть показаны имплицитно при семантической экономии. Этот вид высказывания на уровне текста создает обстоятельства для увеличения информационной насыщенности с наименьшими затратами речевых средств. И таким образом создается речевая экономия, то есть не употребление каких-либо элементов в поверхностной структуре высказывания, хотя наличие этих элементов имеется в глубинной структуре. Однако когда знаков больше, чем передаваемый смысл, то есть при семантической избыточности ситуация может быть совсем по-другому. В некоторых случаях это может быть реализуемая автором нужда, которая соответствует стилистическим задачам, но в одних ситуациях это недостаток текста, который лучше устранить. Иногда семантическая избыточность может быть необходима стилистике.

Интертекстуальность в интерпретации Дресслера и де Богранда предполагается взаимосвязь текста с иными текстами, или какого-либо индивидуального текста с видом текста. Впервые свое разумное объяснение

понятие интертекстуальности получила в трудах М.М.Бахтина, он сформулировал понятия полифонии и диалогичности. Однако этот термин появился позднее в 1967 г., в статье Ю. Кристевой “слово, диалог и роман”. [13:16]. Понятие интертекстуальности бывает узким и широким. Узкое понимание интертекстуальности это обычно его сведения текстовым вербальным включениям как цитатам, аллюзиям и реминисценциям. А широкое понимание интертекстуальности объясняет ее как онтологическое свойство текста, все элементы которого находятся в разных смысловых переключках с другими текстами; область действия интертекстуальности охватывает почти каждую связь “своего” и “чужого”.

Понятие “прецедентный текст” предложенное Ю.Н.Карауловым похоже на проблему интертекстуальности. “Хрестоматийные” тексты, хорошо знакомые языковой личности и значительные для нее в воспитательном и чувствительном отношениях, называются прецедентными текстами [29:31]. Такое понятие как “прецедентный феномен” также относится к интертекстуальности. В концепции В.В.Красных, прецедентные феномены которые образуют систему, обуславливают традиционную маркированность коммуникации и охватывают произведения живописи, архитектуры, музыки, скульптуры и другие произведения искусства, помимо продуктов речемыслительной деятельности, вербальных или вербализуемых феноменов, могут быть не вербальными. Прецедентное имя и высказывание относятся к вербальным феноменам. Прецедентное имя – это индивидуальное имя, которое связано с прецедентным текстом, как Мегрэ, или прецедентной ситуацией, как Наполеон, “эталонная ситуация” которая имеет место в действительности, как “Смутное время”, или в мире вымысла, как “Ромео и Джульетта”[18:30].

Логичность в тексте обычно не связано с логикой в прямом смысле. Несомненно, все тексты обязаны не преступать законы логики и правила рассуждения, но в этот раз речь идет о другом. Если все части текста выстраиваются в точную порядочную демонстрацию главной идеи и связаны

между собой, то в этом случае можно назвать текст логичным. Все части текста складываются и образуют связную историю. На первый взгляд может казаться, что сделать это требование легко, но на действии осознается, что это было не совсем так. Ошибки многих авторов могут заключаться в том, что они постоянно перескакивают с одной мысли на другую, перемешивают в одном абзаце свои аргументы, контраргументы, критику и выводы, делают длинные отступления не связанные с основной темой и иногда забывают про вступление и заключение. Все вышеперечисленное может служить примерами нелогичности. Можно предложить последующее распределение категорий дискурса, принимая во внимание внешне- и внутритекстовые свойства речи: 1. конститутивные, которые позволяют различить текст от нетекста (соответственная оформленность и смысловая концовка, структурное, тематическое и стилистическое единство); 2. жанрово-стилистические, описывающие тексты и их относительность функциональным типам речи как стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации или компрессии; 3. семантико-прагматические или содержательные, которые раскрывают суть текста как образ автора, его методику, информативность, адресативность, интертекстуальную ориентацию и интерпретируемость; 4. формально-структурные, то есть характеризующие способы организации текста как композиция, членимость и когезия. Все из вышеперечисленных разделы для более отдельных групп, один из них интерпретируемость, которая демонстрируется как глубина, точность, ясность, имплицативность и эксплицативность.

1.3. Виды и типы дискурса

Из основ успешного общения, то есть теории коммуникативных постулатов, появляются конститутивные типы дискурса. Свойства дискурса не замечаются, если общение нормальное, а именно в соответствии с целью и намерениями его участников и с правилами общения в определенном обществе. Они могут быть замечены лишь при коммуникативном сбое.

Причины этого сбоя, прежде всего, может быть относительная оформленность, то есть присутствие сигнала у говорящего и стремление слушающего принять сигнал. Исходящий из коммуникативного постулата рациональности мира человек пробует найти корректную причину отсутствию сигнала в разговоре. Наглядный пример “нетекста” можно найти в “Жалобной книге” А.П. Чехова. Если текст был намеренно кодирован внешне, то нарушение текстовой оформленности может иметь место. А также к этому можно отнести проблему фатического общения, причиной которого может служить поддержание, установление или завершение контакта. Эта многомерная категория – фатическая оформленность дискурса, которая только частично относится к его конститутивным характеристикам. О высокой содержательной насыщенности этого вида дискурса может подтверждать выделение жанров фатического контакта. Конститутивным признаком дискурса, осознающимся в случае дезинтеграции текста, является тематическое, стилистическое и его структурное единство. Наиболее важный признак считается стилистический, так как с помощью него какой-либо текст может быть встроен в наш коммуникативный опыт и оценен как текст или “нетекст”. В рамках некоторых особых жанров можно употреблять тематическое и структурное единство с некоторыми общеизвестными допущениями, например как поток сознания или модернистская лирика.

Выделение текста в определенном сверхтексте можно с помощью относительной смысловой завершенности, который с одной стороны связан со стилистическим и тематическим единством текста, а с другой стороны с формальной завершенностью. Всякий текстовой фрагмент стремится к самодостаточности согласно принципу контекстуализации. В соответствии с этим интерпретаторы художественных текстов, криминалисты и специалисты психопатологии рассматривают незаконченную запись, письмо или магнитофонную запись речи человека, который находится в состоянии аффекта, как текст. Обосновываясь на формальной точности составных частей текста намного легче отличить текст от “нетекста”.

Противопоставление высказывания, которое построено согласно нормам разговорной или литературной речи, и “изглашения” нарушающие такие нормы, оказывается продуктивным в соответствии с грамматикой текста. Изглашение – это что-то промежуточное между нечленораздельным бормотанием, криком, произвольным набором обрывков фраз и слов, которые записаны на магнитном носителе или на бумаге, и оно допускает всякую интерпретацию. Если речевое произведение не поддается интерпретации, так как оно не оформлено, не считается целостным образованием и не выделяется из масштабного сверткового массива, то в данном случае можно сказать, что это “нетекст”.

Жанрово-стилистические категории дискурса дают возможность автору отнести какой-либо текст к точной сфере общения, согласно сложившихся понятий о правилах и нормах общения, о типах коммуникативного поведения и об условиях уместности. Это является не смылораскрывающей категорией, а ориентирующей. Тип коммуникативной ситуации это главное для обсуждения сущности данных категорий. В связи с этим следует уделить внимание проблеме естественности дискурса, то есть чтобы некоторое общение считалось естественным, коммуниканты должны представить идеализированные модели оцениваемых дискурсивных событий у себя в подсознании. В нашем сознании имеются концепты конкретного дискурса и его типов и жанров [36:88]. Между участниками коммуникации наиболее важный критерий это дистанция, статусно-ориентированного и лично-ориентированного общения. Если собеседники хорошо знают друг друга, и они стремятся не только передать определенную информацию или оказать некоторое воздействие на другого, но и понять собеседника и раскрыть свою душу, то это является лично-ориентированным общением. И в этом случае собеседники интересуются друг другом. Однако, в статусно-ориентированном общении участники коммуникации реализуют себя в ограниченных ролевых характеристиках, выступая в роли конкретных представителей групп людей, такие как клиент, пациент, пассажир,

начальник, ученик и другие. Наиболее правильным будет осознание коммуникативной дистанции как конкретной шкалы между статусно-ориентированным и личностно-ориентированным общением.

Самовыражение говорящего дает нам возможность сопоставить обиходно-ориентированное и художественно-ориентированное общение.

В отличие от коммуникаторов институционального дискурса, главной особенностью которого является представительская, статусная функция человека, участники личностного дискурса проявляют себя в полноте своих качеств. Специализированный клишированный вид общения между незнакомыми людьми, которые согласно нормам определенного социума обязаны общаться, эта разновидность называется институциональным дискурсом. Личностное общение обычно сводится к бытовому, но иногда общение хорошо знающих друг друга людей и к небытовому, бытийному уровню. Выделение разновидностей общения в определенном речевом действии проводится с целью исследования и является условностью, так как всякое общение носит многомерную, партитурную структуру. Иногда участники могут превратиться в манекенов при абсолютном устранении личностного начала в институциональном общении. Поэтому слугам необходимо было бесстрастное выражение лица, согласно нормам общения хозяев и слуг во многих обществах. Вежливая улыбка на официальных встречах или серьезное выражение лица на производственном совещании имеет аналогичное значение [30:24].

Институциональность имеет градуальное свойство. Общение базовой пары, статусно неравных коммуникаторов - центр институционального дискурса, например как общение врача и пациента, или учителя и ученика, или же учителей или учеников между собой. Общение члена института с лицом, не имеющим связь с данным институтом, стоит на периферии институционального общения. В соответствии с этим можно установить такую иерархию: агент – клиент – маргинал.

Категория проективности также относится к числу жанрово-стилистических категорий дискурса. Построенное образование по определенным канонам согласно с целями и обстоятельствами общения является дискурсом, и уровень каноничности дискурса и есть основание для его типизации. Базовый и проективный виды дискурса можно противопоставить в данном смысле. Посредством средств массовой информации в основном реализуется политический дискурс. Этнические ценности социума в целом и ценности конкретной общественной группы, образующей институт проявляют нормы институционального дискурса.

Когда речь идет о жанрово-стилистическом распределении дискурса по категориям, вопрос о функциональном стиле не обходится без внимания. Функциональный стиль рассматривается в лингвистике как общение, сообщение и воздействие, то есть производный от функций языка по [20:45].

И таким образом выделяются обиходно-бытовой, научный, обиходно-деловой, официально-документальный, художественно-беллетристический и публицистический стиль, как производные от сферы употребления языка с учетом экстралингвистических форм общественной деятельности это и есть общественные институты в нашем понимании; от формы проявления языка, это может быть устной или письменной, от вида речи, то есть монологический или диалогический, от образа общения, то есть массового или индивидуального, а также от тона речи, который может быть высоким, нейтральным и сниженным, как производные от трех базовых дифференциальных признаков – эмоциональность, неэмоциональность, спонтанность, неспонтанность, нормативность и ненормативность по классификации, стиль представляет собой характеристику подъязыка, который выделяется исследователем по его целям исследования и поэтому стили могут быть до бесконечности, простым примером можно сказать это может быть от стиля Ч.Диккенса до стиля обычных кулинарных рецептов. Мы считаем, продуктивным для понимания сущности функционального стиля может быть жанровой канон, стереотипы порождения речи и его

восприятия в специфических обстоятельствах которые повторяются, именно в этом дискурс представляет собой прототип, гештальт, когнитивные образования, сопоставимые с когнитивными образованиями, репрезентирующие предметы, качество, событие и другие. “Функциональный стиль” относится к наименее удачным терминам в лингвистике и основываясь на критериях жанрового канона дискурса предлагается новое обозначение этого понятия – формат дискурса [35:42]. “Формат дискурса” – это разновидность дискурса, который выделяется на основе коммуникативной дистанции, степени самовыражения спикера, сложивших социальных институтов, тона общения и клишированных языковых средств. Этот термин представляет собой конкретизацию типа дискурса, количество форматов достаточно большое, но измеримое. Жанры речи, которые выделяются на индуктивной основе, конкретизируют в свою очередь формат дискурса.

Категория развернутости и свернутости текста, то есть амплификация и компрессия, также относится к жанрово-стилистическим категориям дискурса. Коммуникаторы могут разворачивать диалог в пределах определенных жанров согласно с обстоятельствами общения, так как они владеют обобщенными сценариями речевых жанров. Например, просьба может включать в себя три типовых хода – главный, вспомогательный или нейтральный, то есть разговор, обращение или просьба начинается с просьбы, мотивировки, обещаний или не относящихся к просьбе ходов. Вспомогательные компоненты используются меньше, если коммуникативная дистанция короче. Но исследователь, стремящийся установить релевантные для речевого жанра параметры общения и этно- и социокультурную специфику этого жанра, в основном заинтересован вспомогательными и нейтральными ходами. Избыточная развернутость определенного речевого действия на фоне прототипного речевого жанра показывает вероятные дополнительные намерения данного поведенческого действия. Избыточная свернутость подобного речевого действия к тому же получает знаковый характер и сигнализирует или о чрезвычайных обстоятельствах, как просьба

о помощи, или о изменении этого речевого действия в иное действие, когда просьба переходит в приказ. Вторичные речевые жанры также образованы подобным образом, например, если официальный конкурент напишет в 20 страницах диссертацию, вероятнее всего это будет воспринято как экстравагантный метод изложить свою идею, показать свою эрудицию, следовательно превращается в иной жанр. А также имеются анекдотичные сжатия конкретных текстовых жанров. Объектом оживленной дискуссии в лингвистической литературе являются содержательные, то есть семантико-прагматические, категории дискурса.

Главные два пункта в усвоении категорий текста и дискурса заключается в том, что отправным пунктом в моделировании данных категорий текст может выступать как любой подобный текст в ситуации общения. В первом случае информативность текста в ее трех ипостасях считается основной категорией: содержательно-фактуальная, содержательно-подтекстовая и содержательно-концептуальная информация [23:52]. По этому же подходу смысловая целостность текста может также рассматриваться в качестве его основной категории. Во втором случае адресованность и фактор адресата считается, основной текстовой категорией включая, диалогичность общения. М.Л.Макаров ясно выразил данную позицию, противопоставляя, в тексте основную пропозицию, то есть тему текста, и основную иллокуцию, то есть смысл или идею текста [37:62]. Выделение общих, которые свойственны всем типам текстов, и частных, которые могут быть обнаружены лишь в конкретных типах текста, категорий текста является главным по Воробьеву . Направленность на адресата устанавливается даже в инструкции для покупателя, прилагаемой к товару, как и в лирическом стихотворении, однако подтекст в инструкции не может быть актуализован. Следует упомянуть, что во многих трудах исследователей содержательные категории текста направлены явно или неявно на художественный текст как текстовой прототип.

В определении категорий текста главные две линии соответствуют, с одной стороны, как самодостаточное явление герменевтической традиции интерпртации, например, в рамках стилистики декодирования, и экзегезе как определению текста принимая во внимание внешние факторы его появления, как изучению “жизни текста”, и с другой стороны, сопоставлению понимания и понятности текста. Изучение дискурса, несомненно, полагает выбор вторую часть текстовых категорий. Интерпретируемость текста относится к содержательным категориям дискурса. Интерпретируемость текста проявляется в более частных категориях точности, глубины, ясности, и является уточнением адресованности текста. В зависимости от формата текста эти категории дискурса существенно меняют свои сущностные характеристики и это и есть их особенность. Например, в развертывании и уточнении характеристик состоит точность научного текста, в строгом следовании жанровому пояснению – точность делового текста по Ковшикову, а в динамике образных ассоциаций – точность художественного текста по Тряпицыной. Совпадение намерения автора интерпртации адресата касательно определенного текста является коммуникативной ясностью. Ясность дискурса добывается общностью тезаурусов коммуникаторов, ситуативной наглядностью, такого типа коммуникация остенсивно по сути, и возможностью незамедлительной проверки правильного понимания, согласно к бытовому личностному общению. Ясность текста в деловом общении обеспечивается благодаря клишированным, то есть трафаретным, средствам общения, и прецедентным юридическим и специальным, то есть производственным, дипломатическим, коммерческим, текстам. Согласно исследованиям Р.Водак формулировки, как юридических документов, так и политических заявлений, назначенных для широкой группы людей, понятны даже узкой группе людей, в дополнение парафраза усиливает уровень ясности данных текстов лишь для тех людей, которые вначале уловили смысл текста и без парафраза.

Происходящее с латинского «discurrere», слово дискурс означает «обсуждение», «переговоры» или «перебранка» [67]. Дискурс – это речевая среда обмена мнениями между собеседниками. Также в современном языке дискурс может служить синонимами таких слов как «разговор», «диалог» и «беседа». А в узком значении дискурс соответствует специальному типу разговора, при котором происходит обмен утверждениями за и против чего-то. В методологии естественных и гуманитарных наук также в истории и философии утвердилось два наиболее важных значения этого термина.

Во-первых он используется как утверждение по определенному вопросу или обозначение методически уравновешенной речи. Историческими образцами этого могут служить «A Discourse of Things above Reason» Бойль, «Discours de la Methode...» Декарт, «Discours sur les sciences et les arts» Руссо, «Discorsi e dimostrazioni matematiche intorno a due nuove scienze» Галилей, «Discours de Métaphysique» Лейбниц.

Во-вторых, «дискурс» определение языкового действия в пределах общения, беседы или диалога, в теории языковых актов и лингвистике. Также, с одной стороны за дискурсом закрепляется отнесенность к выводному, рационализированному, институционализированному пониманию, а с другой к спонтанному знанию, слитому с деятельностью живой неоконченной речи, противопоставленной завершённому письменному тексту. В структуралистской «Linguistique du discours» Ф.Соссюр и К.Леви-Строс и в постструктуралистском дискурс-анализе была явно представлена проблематика и значения термина «дискурс». В нем как дискурс были представлены и критикованы научные, литературные и обычные утверждения и тексты, также сложные, институционально укорененные методы обучения в совокупности с относящимися к ним практикам. В XX веке Ж.Деррида, П. де Мен, Ж-Ф.Лиотар применили дискурс-анализ в семиотически-деконструктивистском, М.Фуко историко-генеалогическом исследовании и Ж.Лакан в психоанализе. На литературоведение, социологию и феминистские теории дискурс-анализ оказал особенное воздействие.

Дискурс-анализ появился как категория лингвистики под названием «эмпирический дискурс-анализ» или «лингвистическая прагматика» независимо от французских теорий. Дискурс считался структурой коммуникативных связей, выступающих в роли их намерения и целостности, присущих речевым актам. Лингвистическая прагматика изучает системы, благодаря которым составляются коммуникационные ряды и цепочки из конкретных речевых актов. Впоследствии они делятся на разнообразные виды речи и типы текстов. Главные концепции данного направления являются заимствованными из «методической» или «органон-модели» языка К.Бюлера, феноменологии Ч.У. Морриса, также теории речевых актов Дж.Остина и Дж.Серля. в настоящее время имеется полный ряд типологий дискурса и значительное количество его значений. Можно заметить очевидное доминирование многообразия над единством.

В роли «центрального момента человеческой жизни в языке» и «языкового существования» дискурс включает в себя все сферы человеческого функционирования. Любой акт применения языка – будь это кратковременная реплика в беседе или произведение возвышенной ценности – является частицей постоянно движущегося течения человеческой практики. В этой своей роли он поглощает в себя и отражает в себе особое стечение условий, при которых и для которых он был основан. К таким обстоятельствам относятся коммуникативные цели автора; его взаимоотношения и взаимоотношения адресатов; различные «обстоятельства», важные и несущественные; общие идейные черты и стилистическая среда эпохи, в общем, и той определенной среды и определенных личностей, в особенности, адресованное сообщение прямо или косвенно; стилевые и жанровые черты как коммуникативной ситуации, так и самого разговора; ряд ассоциаций с предшествующей практикой, попавших в орбиту определенного языкового действия.

Дискурс в социолингвистике рассматривается как общение людей которые принадлежат к той или иной социальной группе, а также этот

термин применяется к типичной речи поведенческой ситуации, к этому можно привести пример, институциональное общение.[51:29] Исследуя дискурс социолингвистическим подходом дает нам возможность анализировать участников общения одной или другой социальной группы, а также анализировать обстоятельства общения в разном социокультурной речи общения. Две основные типы: первый: персональный то есть личностно ориентированный и второй: институциональный было предложено лингвистом В.И. Карасик.[28:32] Название само определяет то что в первом случаи говорящий, то есть личность показывает все богатство своего внутреннего мира, тогда как во втором случаи является представителем определенного социального института.

В то же время персональный дискурс имеет две разновидности: обиходный также называется бытовой и бытийный.[59:47] Анализируя характеристики бытового и бытийного дискурса можно сказать, что в бытовом дискурсе адресат понимает говорящего с полуслова и в этом типе дискурса активная роль адресата предоставляет отправителю речи большие возможности для быстрого понимания тематики а также перевода информации используя иронию, намеки и т.д.

Тогда как в бытийном дискурсе большое внимание выделяется, что бы личность развернуто показал свой внутренний мир используя максимально все формы речи на базе литературного языка. Поэтому общение такого типа является монологичным и представлено произведениями художественной литературы, философскими, психологическими текстами.

Распределяется бытийный дискурс на прямой и опосредованный. [59:48].

Противоположение двух, смыслового перехода и смыслового порыва является прямым бытийным дискурсом, где композиционно-речевой формой смыслового перехода является вербальное объяснение чувств, мыслей, рассуждений и его назначением является определение разных неочевидных явлений, которые относятся к миру этой личности, к его внутреннему и к

наружному. Смысловой порыв это когда личность внезапно понимает, суть дело, положение вещей, душевное состояние. Смысловой порыв выражается потоком композиционно-речевых образцов, магмой разнообразных мыслей которые могут быть разорваны со своими ближайшими ментальными образованиями. Например, это может быть сочетание и перечисление несовместимых признаков или явлений, а может и быть намеренный алогизм.

Это состояние сознания является континуальным и делает структуры по новым ориентирам которые информируются образными опорами. Естественно, такая структура образования может сопровождаться эмоциональными потрясениями и имеет фасцинативное притяжение, следовательно, все эти тексты требуют многократное повторение, и является ценным опытом для адресата.

Второй тип бытийного дискурса, опосредованный дискурс это-аналогическое или переносное и аллегорическое то есть символическое.

Институциональный дискурс – это разговор в указанных границах статусно-ролевых отношений. Институциональный дискурс можно разделить на следующие виды по мнению В.И. Карасика: политический, военный, дипломатический, юридический, административный, педагогический, медицинский, религиозный, мистический, научный, деловой, спортивный, рекламный, сценический и массово-информационный.[28:75] В соответствии с этим ученый признает, что данный список может быть дополнен или видоизменен, так как общественные институты в значительной степени отличаются друг от друга и не могут считаться как однородные явления, также они исторически неустойчивы, и могут соединяться друг с другом и появляться в роли разновидностей в пределах того или иного типа. «Институциональный дискурс представляет собой специализированную клишированную верхушку разговора между людьми, не знающими друг друга, но обязанными общаться согласно нормам данного общества», - таким образом, автор поясняет «институциональный дискурс». Виды любого общения выделяются с обычной степенью условности, и он носит

партитурный, многомерный характер. Участники институционального общения могут стать манекенами, при абсолютном исключении личностного начала, соответственно имеется интуитивно ощущаемая граница, выход за которую уничтожает принципы существования того или иного общественного института. На основе двух системообразующих признаков, таких как участники беседы и цели, советует выделять институциональный дискурс В.И. Карасик. Например, оказание квалифицированной помощи пациенту – это цель медицинского дискурса, социализация нового участника общения – педагогического дискурса, захват и удерживание власти – политического дискурса. Члены института и обращающиеся к ним: люди и есть главные участники институционального дискурса, такие как: священник и прихожанин, учитель и ученик, политик и избиратель, врач и больной.

В своих изучениях В.И.Карасик выделяет основные четыре группы институционального дискурса:[28:80]

Конститутивные признаки дискурса

Признаки институциональности

Признаки типа институционального дискурса

Нейтральные признаки.

Первая группа включают способы и материалы коммуникации, участников и условия организации, более того сферу и среду, цель и мотивы, стратегию и режим, стиль и жанр общения людей и их статусно- ролевые и ситуационно- коммуникативные амплуа, а также тексты и невербальные знаки общения.

Говоря о второй группе, признаки институциональное изучает ролевые характеристики агентов и клиентов учреждений, стандартные хронотопы, трафаретные жанры, символические действия и речевые черты. Институциональное общение является общением в различных масках. Именно такое общение существенно отличает институциональный дискурс от персонального дискурса. Своеобразие этого дискурса раскрывается в его типе, который в коллективно языковом сознании выделен особым именем

который обобщен в концепте этого института, например политический дискурс это власть, педагогическое - преподавание, медицинский -здоровье, лечение и очень много других примеров, связываются с группой людей с определенными функциями, сооружениями чтобы выполнить определенную функцию, общественные ритуалы и поведенческие стереотипы, мифологемы, а также текстами которые употребляются в этом социальном образовании.

Нейтральные признаки институционального дискурса состоит из дискурсивные характеристики которые подходят для любого общения, личностно- ориентированные признаки и признаки других видов дискурса, которые проявляются не по специальности, например транспонированные признаки когда элементы проповеди как части религиозного дискурса в политическом, рекламы в медицинском и т.д.

Выводы по Главе I

В данной главе были рассмотрены теоретические основы исследования становления дискурса как объекта лингвистических исследований, в результате был обоснован статус дискурса в качестве самостоятельного объекта изучения лингвистической науки. Диапазон дискурса включает в себя не только лингвистические свойства а также социо-психологические, культурные, антропологические, этнографические. Выбор исследуемых направлений, которые были теоритически обоснованы не случайны так как начинаются от сосюрковского лингвистического подхода до развития дискурса и его различия между текстом в наши дни. Было уделено особое внимание на разновидности дискурса и его изучению. Рассмотрены на примерах особенности дискурса в речевой деятельности. Обнаружено, что в результате исследований в этом направлении в качестве самостоятельных, но тесно связанных отраслей языкознания сформировались лингвистика текста и дискурс-анализ. Это обстоятельство определило сопоставительное изучение дискурса и текста, с тем, чтобы уточнить их соотношение. Дистанцирование дискурса позволило выявить и описать его основные

категории и атрибуты. Рассмотрено структурное разнообразие и структурные изменения в языке, а также важность изучения лингвистики текста как новое направление в лингвистике. Кроме того, уточнены критерии дифференциации текста и дискурса.

ГЛАВА II. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДИСКУРСА

2.1. Психолингвистический аспект дискурсивных исследований

Так как дискурс и его лингвистические особенности являются объектом современных исследований, лингвисты, анализируя этот феномен разными способами, обращаются к изучению различных аспектов дискурса.

Как отмечалось выше, неопределенное пояснение термин дискурс отмечает 8 смыслов определения «дискурс» [52:18]:

- Каждое определенное высказывание, а именно аналог определения «речь».
- Превышающая по величине фразу, единица.
- Принимая во внимание состояние высказывания, влияние высказывания на его получателя.
- Дискуссия в роли главного вида высказывания.
- Беседа со стороны говорящего в контрасте повествованию, не учитывающее данной точки зрения.
- Применение единиц языка, а также их речевую реализацию.
- Общественно или идейно ограниченный вид высказываний.
- Конструкция по теории, которая предназначена для рассмотрения всех требований производства данного текста.

3 главные черты дискурса были выделены М.Стаббсом:

- В официальной связи это – единица языка, превышающая по величине предложение;
- В концептуальном плане дискурс соединен с применением языка в общественной среде;
- По своему формированию дискурс оперативный, то есть диалогичный.

Путем определения жанра, описываются отдельные отличия между видами дискурса, такие как «новостной дискурс», «научный дискурс»,

«политический дискурс» поскольку дискурс – это процесс речевой деятельности и конструируется по правилам жанра, владея конкретным строением:

- интенциональный план;
- действительный план (практичное осуществление коммуникативного плана в реальной деятельности);
- виртуальный план (умственные устройства передачи и принятия содержательных единиц связи, в том числе и ценностные направления, методы определения, толкования и остальные умственные операции);
- контекстуальный план (увеличение смысловых границ на базе исторических, социокультурных и других контекстов);
- психологический план дискурса, пронизывающий все остальные его проекты, который выступает их эмоционально наполненным элементом.

Главная цель политической беседы – состязание за власть – идентифицирует место конкретного жанра политической беседы в полевого строении жанрового пространства. Образцовые жанры – парламентские дебаты, общественная речь политика, голосование и т.д. переплетением деятельности борьбы за власть со структурой иных видов дискурсов характеризуется периферийные жанры. «Род, вид речи, которая определяется этими условиями обстановки и намерением применения» является жанром.

Языковое оформление характерных ситуаций социально-речевой связи людей является речевым жанром. А также определение «жанр» ныне применяется в дискурсивном анализе. Жанр – единица дискурса, несмотря на то, что исчерпывающей группировки жанров не имеется. Жанры имеют определенные устойчивые определения, хотя вопросы языковой особенности созданы пока недостаточно.[45:30]

По мнению Т.А. Ван Дейка, политический дискурс является жанром, который ограничен общественным полем, точнее политикой. Также он считает политический дискурс – видом институционального дискурса. Дискурсы политиков – это дискурсы производящиеся в подобной

институциональной среде, как заседание правительства или сессия парламента.

Дж.Байбер утверждал, выделение устойчивых формальных описаний для многих жанров затруднительно. Также Дж.Байбер выдвигал теорию, что жанры нужно изучать как культурные концепты, которые лишены устойчивых языковых описаний, кроме того следует выделять виды дискурса на базе эмпирически наблюдаемых и количественно измеримых характеристик.

2.2. Лингвопрагматический подход к изучению дискурса

Е.И.Шейгал первой выдвинула детальную систему жанров политического дискурса, под политическим дискурсом она подразумевает «все речевые формирования, которые имеют содержание, относящееся к области политики». Она считает что, жанры можно различать: по характеристике институциональности; по субъектно-адресатным; по разновидностям политических социолектов; по событийной локализации; по мере центральности или маргинальности любого жанра в сфере политического дискурса; по качеству ведущей интенции. Е.И.Шейгал ограничивает данные виды политического дискурса : [45:39]

- Институциональный политический дискурс, в котором применяются тексты, образованные и примененные политиками или в политической области.
- Масс-медийный политический дискурс, в котором применяются тексты, сформированные журналистами и передающиеся через прессу, телевидение или интернет.
- Официально-деловой политический дискурс, переплетающийся с аппаратным общением, в пределах которой образуются тексты, которые назначены для членов государственного аппарата.

- Тексты, которые основаны «рядовыми гражданами», принимающие участие в политическом общении, но не профессиональные политики или журналисты. Например, письма или сообщения политикам или в СМИ.

- Тексты или «политические детективы», «политическая поэзия», распространенных политических мемуаров.

- Тексты в сфере науки, которые посвящены политике.

- Грань между вышеперечисленными видами политического дискурса не достаточно ясна, и часто они пересекаются друг с другом.

Политический дискурс имеет множество функций, по мнению лингвистов. Но наиболее ясную классификацию параметров использует Е.И.Шейгал.

- Функция общественного контроля – регулятивная (формирование предпосылок для объединения мыслей, поведения, чувств и желаний, точнее управление социальным подсознанием).

- Функция узаконивания власти (толкование и оправдание решений, касающихся распределения власти и социальных ресурсов).

- Функция воспроизводства власти, то есть усиление лояльности системе.

- Ориентации (с помощью разработки целей и проблем, образование политической реальности в подсознании общества).

- Функция общественной сплоченности (объединение всего общества или индивидуальных общественных групп).

- Функция общественного разделения (отдаление общественных групп).

- Агональная функция (позволение общественных разногласий, проявления недовольства и возражения против деятельности государства).

- Акциональная функция (осуществление политической власти посредством мобилизации или «наркотизации» всего населения; мобилизация – это активизация и объединение сторонников, а

«наркотизация» - усмирение и отвлечение внимания, снижение настороженности).[45:42]

Можно прийти к заключению, что все функции дискурса имеют идеологию политической благопристойности и стимулированы на приобретение политических намерений с помощью управления подсознанием общества, включая состязания за господство.

О.В.Эпштейн особенно выделяет единые семантико-прагматические разделы, точнее свойственные черты, которые включает в себя политический дискурс:

- адресативность;
- образ автора;
- информативность (этот раздел описывает всякое действие общения, хотя обуславливается от контактных намерений дискурса). Внушение адресатам нужды политически корректных действий – это и есть намерение политического дискурса и его общественным предопределение;
- интенциональность;
- оценочность (осуществляется образование в обществе конкретной позиции к политическому явлению и необходимой оценки определенному субъекту);
- конвенциональность (терминологичность, а именно стереотипизация отношений);
- экспрессивность;
- модальность (изображение действительности по представлениям спикера);
- интертекстуальность (воплощающиеся в тексте, связь между социальными и языковыми строениями, собрание объединенных и частных характеристик текстов, составление текста в пределах его содержания);
- социокультурная контекстность (втягивание в ход понятия социокультурных контекстов).

Совершенствование лингвистики в современной стадии описывается возвышенным стремлением к понятию словесного и политического общения.

В настоящее время вместе с всемирным распространением демократических основ государственного строя весьма существенный смысл имеет политический дискурс и его аспекты (исследования О.С.Иссерс, Дж.Лакоффа, Р.Водак, Е.К.Павловой, Е.И.Шейгал, В.И.Карасика, Т.А. ван Дейка и др.). Основным элементом в достижении намерений всякого общения является корректное применение средств языка, а в случае профессиональных политиков лингвистические средства выступают в роли важного инструмента, на которое рассчитывается результат в достижении согласия масс, власти или победы в переговорах, дебатах и т.д.

Характерная черта общественного политического дискурса, по мнению Е.К.Павловой – это его прагматическая целеустремленность на руководство публичным взглядом на образование у массового адресата конкретного мнения о сведениях и эмоционального реагирования на нее. «Никакой политический строй не существует без связи» в этом демонстрируется связь языка и политики. К тому же, «для осведомления, убеждения, проведения законодательных актов и т.п. политикам необходим язык. В сравнении с остальными сферами людской деятельности, особенность политики содержится в ее дискурсивной природе: множество политических актов по сути речевые акты». Политическая речь – это один из механизмов, которые руководят социумом, а политический дискурс осуществляет деятельность осведомления и социально-психологического влияния на общество. Для достижения своей цели всемирные политики применяют различные лингвистические средства во время общественных обращений, детально обдуманых заранее [58:19]. Обычно политические обращения устремлены на идеологическое влияние, образование конкретного отношения у публики к определенным реалиям политической жизни. Политическая стилистика может, как нормализовать дружеские связи между государствами, так и стать причиной конфликтов между государствами и внутри стран.

Мы можем увидеть широко раскрытый анализ такого понятия как «дискурс в политике» в монографии Е.И.Шейгала, как предмет для лингвистико-культурного изучения; определяются свойства и употребления этого типа дискурса, где широко объясняются главные концепты, раскрывает и разрабатывает систему и типологию объяснения знаками или символами политического дискурса, а также разбирает целенаправленные и жанровые аспекты.

Изучая политический дискурс, Е.И.Шейгал сводит три существующие главные типы лингвистического подхода:

1. Описательный или дескриптивный, где изучается лингвистика политика риторически.

2. Критический подход, где имеет место изучение выражений, которые относятся к социальной разнице.

3. Познавательный или когнитивный это выявление искусственных интеллектов и понятий этого типа дискурса. [45:42]

Само значение дискурс объясняется в лингвистике как «система общения, где выражаются виртуальные/вероятные и действительные/реальные выражения». С точки зрения действительного измерения оно считается как повседневное речевое общение и проявляющими текстов в результате этого общения, с точки зрения вероятного или потенциального изучения семиотический объем, который состоит из: а) вербальных и невербальных знаков обращения, которые направлены именно к определенной сфере общения; б) словарь прецедентных слов и выражений; в) характеризующие разработки языковой манеры общения; г) методы жанров речевых актов и политического дискурса.

В лингвистике политический дискурс изучается как общение, которое имеет свою характерную фразеологию, лексику, поговорки и т.д. то есть применяет только профессионально направленные символы и знаки и таким образом отличается от других типов дискурса.

«Политическая лингвистика» - это язык, который вовсе не является привилегией высокопоставленных людей или политиков, это язык общения, который доступен для каждого человека в обществе, кто связан характерным использованием этого языка, как способом управления и убеждения, то есть это язык, который широко используется в целях контролирования [49:24]. Все вопросы, касающиеся к ясно выраженности речи и правильности политического общения также относятся к сфере политической лингвистике.

Путем политического дискурса интерпретируется общественная сущность, в первую очередь власти с базовой политической лексики. Этот тип дискурса является практическим путем общения который формируется из определенных концепций, понятий, текстов и используется в политических мероприятиях. Его отделяющей чертой является специальная лексика, слова и выражения, употребления метафор, построение, построение предложений и текстов которые относятся именно к этой сфере.

Хотя каждый акт общения может считаться примером дискурса, некоторые ученые разбили дискурс на четыре основных типа: аргументация, повествование, описание и изложение. Многие акты общения включают в себя более одного из этих типов в быстрой последовательности.

Аргумент: форма общения, предназначенная для убеждения аудитории в том, что автор или оратор правы, используя доказательства и причину.

Повествование: эта форма общения рассказывает историю, часто с эмоциями и сопереживанием.

Описание: форма общения, которая опирается на пять чувств, чтобы помочь аудитории визуализировать что-то.

Экспозиция: Экспозиция используется для информирования аудитории о чем-то с относительно нейтральным языком, то есть она не предназначена для того, чтобы убеждать или вызывать эмоции.

Другие литературоведы разделили типы дискурса на три категории: выразительные, поэтические и транзакционные.

Выразительный: Выразительный дискурс включает в себя те акты литературного письма, которые являются творческими, но не беллетристическими. Это могут быть мемуары, письма или онлайн-блоги.

Поэтический: поэтический дискурс включает в себя творческое, вымышленное письмо. Поэтический дискурс включает романы, стихи и драму. Эти виды работ часто отдают приоритет эмоциям, образам, темам и развитию персонажей, а также использованию литературных приемов, таких как метафора и символика.

Транзакционный. Транзакционный дискурс используется для приведения чего-либо в действие, например, рекламы, мотивирующей покупателя к покупке, или показывающей покупателю, как использовать продукт с помощью руководства. Этот тип дискурса, как правило, не столько полагается на литературные приемы [49:30].

Дискурс любого типа является одним из важнейших элементов человеческого поведения и формирования. Было проведено бесчисленное множество исследований того, как мозг формирует мысли в слова и, действительно, способ общения я формирует мозг. Многие исследования нацелены на то, чтобы говорящие на разных языках по-разному понимали понятия. Таким образом, создание и рассеивание дискурса имеет первостепенное значение для увековечения человеческой расы.

Изучение политического дискурса как феномена в лингвистических исследованиях с возрастающей значимостью как средство общения и манипуляции обществом. Многие государственные вопросы зависят от того каким образом они будут интерпретированы и какие лингво-стилистические методы будут использоваться для доведения аргумента до его адресата. В последние годы данные проблемы, лежащие в рамках политического дискурса, активно обсуждаются как средствами массовой информации, так и научным сообществом, однако своеобразность политической коммуникации все еще остается недостаточно изученной для составления полной картины этого нового явления.

Выводы по Главе II

В данной главе были рассмотрены возможности применения психологического и прагматического подход к изучению дискурса в различных сферах его функционирования. Учитывая характер и коммуникативную направленность политического дискурса, его лингвопрагматическую составляющую следует считать первостепенной. Данный вывод обосновывается, прежде всего, манипулятивным характером политического дискурса, который практически всегда направлен на достижение какого-либо воздействия на слушателя (читателя), а также его побуждение к определенным действиям.

Политический дискурс следует воспринимать как комплексное коммуникативное пространство, в котором отражается не только экстралингвистический контекст, например политическая обстановка, но и лингвистические способности коммуниканта. В связи с этим, изучение лингвистических и прагматических аспектов политического дискурса требует привлечение современных методов лингвистического анализа.

Следует отметить, что лингвопрагматический подход к исследованию дискурса вообще, и политического дискурса в частности, предполагает учет социальных, культурных, национальных характеристик участников коммуникации, условий речевого общения, целей и задач говорящего. В рамках анализа политического дискурса необходимо принимать во внимание текущий политический контекст, прагматические целеустановки, убеждения и личностные качества автора.

Участники политического процесса осуществляют манипуляцию посредством дискурсивных и коммуникативных стратегий убеждения, информирования, образования, инструктажа и других социальных практик, целью которых является оказание влияния на взгляды и убеждения адресатов политического дискурса. Для достижения своих целей политические деятели используют различные коммуникативные стратегии и тактики.

ГЛАВА III. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА.

3.1. Лингвопрагматические характеристики политического дискурса

Под политическим дискурсом мы подразумеваем любое языковое производство, устное или письменное, который говорит на определенную тему и который стремится убедить "или" побудить кого-то верить во что-то [54:98]. Искусство убеждения описано в риторике, дисциплина, которая описывает набор связанных практических стратегий устное общение с целью предоставления докладчикам теоретических представлений. Необходимо составить убедительную речь. Принципы классической риторики и новой риторики. Согласно теории классической риторики, политический дискурс имеет три компонента: убедительные стратегии составление речи, стиль и правильный лексический выбор.

В руководстве по риторике, составленном Аристотелем (около 330 г. до н.э.), риторика определяется как "способность находить возможные способы убеждения относительно каждого предмета". На протяжении всей западной истории риторика была квалифицирована как «искусство речи» или «искусство убеждения» через речь".

Согласно Аристотелю, убеждение или в данном случае его можно назвать политическим дискурсом речь зависит от трех основных факторов:

1. образ, который должен принять говорящий, чтобы привлечь внимание и заработать доверие аудитории (этос),
2. набор эмоций, страстей и чувств, которые должен вызвать говорящий у аудитории благодаря его речи (пафос)
3. сам дискурс, то есть собственно аргументация дискурса (логотипы).

Кроме того, чтобы быть убедительным, недостаточно иметь веские аргументы, но нужно также позаботиться о стиле и лексическом выборе, чтобы речь удовлетворяла требования, была ясной и приемлемой для аудитории. Стратегии, предложенные Аристотелем, следующие: Выбирайте

слова в обычном лексиконе, избегая архаизмов и неологизмов; Используйте метафоры и другие приёмы, но при условии, что они понятны [54:36].

“Метафора”, в частности, у него есть ясность, приемлемость и что-то своеобразное, и никто не может научиться использовать его у кого-то другого (Аристотель 1996: 1405а). Хотя аристотелевская система сохранилась с древности до наших дней, в 20-м веке родилась «новая риторика», которая представляет собой расширение классической риторики и приобрела новые формы в СМИ. Под именем новой риторики научные экспериментальные психологи сформулировали дополнительные правила и разработали учебник современного убеждения. «Чтобы быть действительно убедительным, коммуникаторы должны ответить на эти потребности:

- а) сообщение должно привлечь внимание получателя;
- б) обоснование, содержание в сообщении должно быть понятным получателем;
- в) кто получает сообщение он должен усвоить содержащиеся в нем аргументы и принять их как истинные [54:38].

Элементы «новой» риторики ничем не отличаются от элементов риторики классической, что способ спора имеет много общих черт с тем, что было 2500 лет назад и обращается к слушателю через этос, пафос и логотипы. Этос и пафос составляют аффективную часть убеждения, логотипы как рациональный, так и поучительный / диалектический элемент риторики.

3.2 Современная политосфера Италии и политический дискурс

В следующем анализе мы увидим, какие стратегии убеждения используют политики. Здесь и как три основных фактора классической риторики а также принципы новой риторики представлены в их выступлениях.

Инструменты анализа политического языка

Речи Берлускони и политическая риторика были предметом многочисленных исследований. Для анализа метафор и лексики на основе политического дискурса Сильвио Берлускони мы представляем его предвыборную речь, а также анализируя его подход и метод на выступлениях.

Для качественного анализа мы использовали исследование Semino & Masci (1996) "Политика это футбол": метафора в дискурсе Сильвио Берлускони в Италии", где разные метафоры, особенно из области футбола, войны и религии. Этот анализ основан на когнитивном подходе, разработанном Лакоффом, Джонсоном и Тернером (Lakoff & Turner 1989, Lakoff & Johnson 2003).

Количественный анализ вместо этого основан на исследовании Bolasco, Giuliano & Galli de 'Paratesi (2006), которое включает лингвистический и статистический анализ речей Берлускони. Это статистический и лингвистический анализ речи Берлускони собраны в корпусе текстов около 325000 слов, которые представляют собой эволюцию политического языка Берлускони от «выхода на поле» в 1994 году до последней предвыборной речи своего третьего правительства в 2006 году. "Forza Italia" по праву называют «личной партией Сильвио Берлускони», потому что она имеет свой собственный голос сильного персонализированного руководства, которое привлекает своим авторитетом и отличной харизмой, благодаря постоянной видимости, обеспечиваемой средствами массовой информации [48:23].

Сам лидер охарактеризовал свою партию так: «Это либеральная, но не элитарная партия, а точнее либерально-демократическая партия, это католическая партия, но не конфессиональная, это партия светская».

Одним из основных моментов является то, что Берлускони называет свою партию - светским вероучением. Это документ, основанный на концепции свободы, который копирует тенденцию из заповедей. Политик ссылается на различные формы свободы, такие как свобода мысли и убеждений, свобода выражения мнений, свобода вероисповедания, свобода

ассоциаций, свобода предпринимательства и свобода рынка. Язык С. Берлускони представляет собой поворотный момент в итальянском политическом языке. Он представил себя, гордо заявляя свой политический язык как «новый». Многие говорили, что главная инновация Берлускони - это «простота» его языка, противоположность к традиционному «сложному» языку итальянских политиков. По словам Амадори: «Умение использовать разговорные термины, язык «простых людей», это одна из сильных сторон общения лидера Forza Italia». Нет сомнений, что такой стиль общения сыграла не последнюю роль в высоком уровне доверия избирателей к нему. Другие авторы охарактеризовали язык лидера Forza Italia как антиполитические, "импортированные из спорта и рекламы", которая выделяется и это контрастирует со сложной и неясной политической. Он также предлагает образец заслуживающих внимания метафор и символов. Мы видим, что политики используют простой язык и разговорные термины, важные факторы для понимания сообщения получателем и необходимо завоевать внимание и завоевать доверие аудитории. Таким образом, мы можем сказать, что он очень осторожен при выборе речи и лексики, чтобы отвечает всем принципам новой риторики. Как мы увидим позже, Берлускони часто к своему личному опыту апеллирует к пафосу, в то время как другие политики могут сконцентрироваться на логотипах.

Нашей основной целью является предвыборная речь политиков. Выбор мотивирован тем, что избирательная кампания является временем, в котором кандидат представляет себя публично, выставляет свои идеи и программы. «Избирательный маркетинг является наиболее политически значимым свидетельством и удачное сочетание «классической» риторики и современных методов убеждения » Парламент вместо этого представляет другую среду и более формальную, когда политический лидер говорит как глава правительства, обращаясь к другим политикам. Очевидно, что лексика говорящего, обусловленная контекстом и ситуация меняется в зависимости от пространства и собеседников. Первая речь Берлускони транслировалась по

телевидению, и за ним последовало большинство итальянцев. Аудитория для его третьего выступления, митинга, состояла в основном из сторонников Forza Italia и других заинтересованных сторон. В этом анализе первостепенное значение уделяется использованию лексики и риторических фигур, особенно метафоры. По нашему мнению, эти инструменты являются важными компонентами для убеждения.

Как упоминалось выше, целью политического дискурса является убеждение. На языке политика, мы можем найти различные типы риторических фигур, инструменты для убедительности речи, такие как метафора, анафора, метонимия, полипто и риторические вопросы. Проведенный анализ показал, что политики используют все эти языковые стратегии, часто аналогичным образом.

Но именно в использовании метафоры, которая считается королевой риторических фигур и широко используется всеми политиками нашего времени. Поэтому мы остановимся на этом ниже. Известно, что «метафора состоит в переводе значения слова или выражения из его собственного значения в другой образный, который имеет сходство отношений с первым, как ещё считают итальянские лингвисты «метафора является демонстрацией творчества, так как он выражает объект через неожиданные термины и все же понятно». Аристотель уже указывает на важность того, чтобы оратор был мастером метафоры: Лакофф и Джонсон различают два основных типа метафор: обычные метафоры, то есть те, которые являются частью обычной концептуальной системы одной культуры и, следовательно, отражаются в повседневном языке, и изобретательные метафоры. Оба типа метафоры могут определять реальность. Они являются одними из наиболее полезных средств содействия пониманию идей и играют важную роль в построении социальной и политической реальности.

3.3. Метафора в современном итальянском политическом дискурсе

Далее мы рассмотрим, как политики используют метафоры и пытаются определить сходства и различия.

Метафора войны

Метафора войны - «политика это война» [48:41] - это классическая метафора как на итальянском, так и на других языках. Широко используется в разные контексты и от всех политических партий

Метафора войны часто появляется на языке Берлускони. Пример со времени его первой речи в 1994 году это указывает на то, что политика - это война, и что он решил заняться политикой из-за обязанности.

Rinuncio dunque al mio ruolo di editore e di imprenditore per mettere la mia speranza e tutto il mio impegno a disposizione di una battaglia in cui credo con assoluta convinzione e con la più grande fermezza.[48:43]

Метафора войны всегда является частью риторики Берлускони [...] e imparando con fatica che la Repubblica [...] sono patrimonio comune di tutti gli italiani, anche di quelli che si sono battuti per molti anni da parti opposte della barricata della storia.[48:43] [...] и с трудом узнавая, что Республика [...] общее наследие всех итальянцев, даже тех, кто боролся за многие годы по разные стороны баррикады истории

Пример из его второго выступления в Палате депутатов в 2008 году: [...], invece ecco qui [...] un popolo che combatte contro la crisi economica e sociale; [...], che si batte per le proprie idee nelle piazze come nelle istituzioni, [...] che sanno combattere la malinconia di una crisi mondiale grave [...]

Sì, sono pronto anch'io a combattere insieme a voi una grande battaglia per la libertà e per una nuova Italia[48:43]

[...] Вот он я здесь [...] народ, борющиеся против экономического и социального кризиса; [...], те кто борется за свои идеи на площадях, как в учреждениях, [...] которые знают, как бороться с серьезным мировым кризисом [...]

Да, я готов сразиться вместе с Вами, битва за свободу и за новую Италию.

С неугасимым желанием бороться за свободу в итальянском политическом дискурсе, метафора войны утратила немного блеска в последние годы и сейчас заменена футболом или спортом вообще. Сопоставление между политикой и спортом является обычной метафорой в итальянском языке, как на многих других языках. Новая политическая речь метафорически называлась простым языком Берлускони была построена с самого начала политической деятельности политика. Также «Forza Italia» [48:43] «Вперед, Италия!», и выражение “scendere in campo” [48:43] «спускаться в поле» родом из языка спорта.

Футбол всегда был очень важным видом спорта для итальянцев, и слоган "Forza Italia", а также синий цвет материала пропаганда и прилагательное Azzurri и Azzurre, чтобы указать свою аудиторию, они связаны со временем (одним из немногих), в которое итальянцы, они чувствуют себя сплоченным народом.

“Scendere in campo” или «спускаться поля» можно считать неоднозначной метафорой, которая относится и к спорту и к войне.

Пример того, как он часто использует метафоры о войне и о спорте, можно найти в его речи в Палате депутатов (2008):

Non sono e non sono mai stato un uomo solo al comando. Ho sempre avuto fortissimo il senso della squadra, [48:45]

Я и никогда не был одним из командующих. У меня всегда есть и было очень сильное чувство команды.

Его речь 2013 года также содержит футбольные метафоры, например

In ogni caso noi saremo in campo e ci impegneremo con rinnovata energia [48:45].

В любом случае мы будем на поле, и мы возьмем на себя обязательства с обновленной энергией.

Религиозная метафора

Католическая религия играет важную роль в итальянской культуре. Выбирая библейские образы и используя их частенько в своих выступлениях Берлускони - уместно обращается к католической церкви, в частности, христианским избирателям, чьи голоса были бы важны на выборах 1994 г. Примеры библейской метафоры появляются в его первой речи 1994 года:

Mai come in questo momento l'Italia, che giustamente diffida di profeti e salvatori, ha bisogno di persone con la testa sulle spalle [...]

Vi dico che possiamo, vi dico che dobbiamo costruire insieme per noi e per i nostri figli, un nuovo miracolo italiano. [48:46]

Никогда, как в это время Италия, которая справедливо доверяет пророкам и спасителям нужны люди с головой на плечах [...] Я говорю вам, что мы можем, я говорю вам, что мы должны строить вместе для нас и наших детям новое итальянское чудо.

По словам ученых, «упоминание чуда означает ввести фигура трансцендентности и построить дискурсивную конфигурацию, которая дает информацию великие притчи о выкупе и спасении. Так что «Спуск в поле» появляется как футбольный перевод «спуск в землю» как церковная метафора. Среди многочисленных метафор Берлускони есть такие, которые представляют Италию как страну, которая находится в большой опасности после аварии и нуждается в помощи. Опасность заключается в старом политическом классе, то есть левом и коммунистах. В то время как спасение будет новой системой, представленной им и Forza Italia.

Вот два примера из речи 1994 года:

[...] perché non voglio vivere in un Paese illiberale, governato da forze immature e da uomini legati a doppio filo a un passato politicamente ed economicamente fallimentare.

[...] non hanno mai trovato piena cittadinanza in nessuno dei Paesi governati dai vecchi apparati comunisti, per quanto riverniciati e riciclati.[48:52]

[...] потому что я не хочу жить в нелиберальной стране, управляемой незрелыми и искусственными силами, связанными с политическим прошлым и экономическим банкротом.

[...] никогда не находится полноправное гражданства ни в одной из Стран которыми управляют старый коммунистический аппарат, так как всё перекрашивается и перерабатывается.

Многие метафоры, используемые Берлускони, служат для характеристики отношений между ним и его политическими оппонентами. Эти метафоры обращаются к эмоциям и чувствам:

[...] anche quando su di me soffiava il vento dell'acrimonia personale e la bufera della faziosità [48:54].

[...] даже когда ветер личной страсти дул на меня и шторм партизанства

Цель использования таких метафор является влияние на подсознательный разум народа и пробуждение позитивных чувств по отношению к себе.

Mamma mia, se ripenso a tutto quello che ci hanno riversato contro [...]!

[...] solo io potevo resistere a tutte le false accuse e a tutto il fango che mi è stato gettato addosso in questi anni[48:54].

О боже, если я вспомню все, что они излили на нас [...]!

[...] только я мог противостоять всем ложным обвинениям и всей грязи, Всё это было брошено на меня в последние годы.

В этом случае мы видим использование простой, понятной речи, которую дополняют эмоционально-экспрессивные составляющие для выразительности и убедительности речи. При выступлении также Берлускони обращает внимание на повышения и понижения тона.

3.4. Лексическое и грамматическое своеобразие современного итальянского политического дискурса

Анализ лексической составляющей политического дискурса был сосредоточен на уточнении наиболее часто встречающихся словах,

относящихся к различным лексическим классам, то есть существительным, глаголам (за исключением того, что вспомогательным глаголам как *essere* и *avere*), прилагательные, которые встречаются, по крайней мере, три раза и все личные и притяжательные местоимения.

Существительные.

Частота большая - это категория существительных, и по этой причине она заслуживает более широкое представление в речах Берлускони. Как мы видим, речи Берлускони содержат больше существительных, чем общее количество слов [48:54]. Это связано с тем, что итальянский, как романский язык, имеет предрасположенность к номинальному стилю. Другим объяснением может быть разнообразие в конструкции существительных. В итальянском, существительные соединения обычно состоят из двух слов, соединенных предлогом (например, СМИ) (*mezzi di comunicazione*) или конструкция, состоящая из существительного и прилагательное (например, избирательная кампания) (*campagna elettorale*).. Мы увидим больше примеров здесь ниже.

Лексика политического дискурса во многом детерминирована, поэтому многие выражения принимают значение реальных лингвистических формул. Это случай последовательностей, подобных этой *Paese/Partito/ Stato/progetto*-наша страна / партия / государство / проект [48:56]. Анализ, проведенный здесь, показывает, что среди наиболее часто используемых существительных из дискурса Берлускони это *paese* (43), *Italia* (38), *governo* (29), *stato* (27), *lavoro* (20) и *politica* (18) [48:56]. Страна 43 раза, Италия 38 раз, правительство 29 раз, государство 27 раз, работа 20 раз и политика 18 раз. Даже термины, обозначающие жителей страны, являются частью "политичеза" и часто в речах Берлускони использует регистр таких терминов, как *italiani* (30), *cittadini* (20), *popolo* (15), *uomini* (10), *donne* (6) и *gente* (5), т.е. итальянцы (30), граждане (20), люди (15), мужчины (10), женщины (6) и народ (5) [48:56].

Некоторые из частых существительных в речи политиках представляют универсальные ценности, например, *libertà*, *democrazia*, *diritto*, *giustizia* и

sicurezza т.е.[48:57]. свобода, демократия, правосудие и безопасность . Свобода среди самых частых слов Берлускони, ключевое слово в его языке и понятие фундаментальное, на котором основаны ценности и принципы Forza Italia, проанализировав речи, Берлускони использует термин свобода в основном в очень обобщенном смысле, но есть случаи, когда этот термин связан с концепцией безопасности, демократии и справедливости и, в одном случае, также с концепцией рынка.

С другой стороны, итальянский политик часто говорит об *interesse* (17), *voto* (17), *potere* (12), *fiducia* (9), *famiglia* (9), *mercato* (9), *speranza* (7), *regola* (7), *passione* (6) e *oppressione* (6) т.е. [48:57]. интерес (17), голосование (17), власть (12), доверие (9), семья (9), рынок (9), надежда (7), правило (7), страсть (6) и угнетение (6), слова, которые встречаются также с большой частотой в его речах и сила существительного обычно используется

Берлускони как, например, в третьей речевой ссылке политическим оппонентам: “*il potere che amano e che vogliono*”[48:60]. - «власть, которую они любят и хотят» подчеркивает слово власть как нечто не относящего к нему самому. Слово *семья* часто встречается в речи Берлускони так же в своем выступлении перед палатой депутатов говорит “*promuovere la famiglia come nucleo di spinta dell’intera organizzazione sociale*” [48:60]. "продвижении семьи как движущей силы всей социальной организации ", подчеркивая важность семьи в итальянском обществе и католической религии. Слово рынок также часто связан с темой работы, *impresa* (18), *impegno* (6) e *imprenditore* (4) [48:60], а также условия предприятия (18), обязательства (6) и предпринимателя (4) эти слова как зеркало жизни Берлускони до его участия в политике. Берлускони политик главный своего времени, которого характеризуют пафос и возвышенный тон (“*Noi siamo l’Italia della passione*”, “*L’Italia è il paese che amo*”) [48:64]. - («Мы - Италия страсти», «Италия - страна, которую я люблю»). Следует отметить, что часто политик выбирает политическую ориентацию получателя, чтобы определить, будет ли сообщение отправленное принято получателем. Поэтому анализ лексики,

использованной в выступлениях в политике могут помочь описать социокультурные своеобразие людей, к которым политик обращается. Политики осторожно используют слова, которые обращены к избирателей, говоря о том, что все лучшее будет после его избрания.

Прилагательные

Анализ показывает, что политики итальянцы использует больше прилагательных, чем политики другой страны. В нашем анализе речи Берлускони обращаем внимание на то, что он также основывается к этому правилу. Причиной может быть разнообразие структуры языков, прокомментированное выше. Часто в итальянском языке мы видим сочетание существительного и прилагательного. Например, Берлускони употребляет сочетание *politica fiscale*, когда говорит о политике в общем, на этом примере мы видим частое использование существительных и прилагательных.

Наиболее частые прилагательные свойственные к его речи это такие слова, как *grande*, *nuovo*, *italiano* e *politico* [48:61] - *большой, новый, итальянский и политический*, которые являются одними из самых частых и очень часто встречается в политическом языке. Давайте проанализируем некоторые из них, например *nuovo* новый, *новизна* является ключевым термином в языке Берлускони, чтобы указать точку зрения прошлого, но также и надежды на будущее («Тема «*nuovo*» ловко используется Берлускони, в то время как итальянские граждане немедленно после штурма Тангентополи были глубоко разочарованы старым политическим классом. В своей короткой речи о «спуске в площадь» (1994) “*discesa in campo*”[48:61]. *новый* произносится восемь раз. Противостояние между старым и новым, слово «старый» выражает негативное мнение и характеризует политическую деятельность прошлого и левого. Положительное значение представлено новым прилагательным ссылается на политику, предложенную Берлускони (“*un nuovo miracolo italiano*”) [48:65]. («новое итальянское чудо»).

Учитывая политическое прошлое Италии, можно предположить, что повторение прилагательного *новое* в речах Берлускони, он воспользовался

возможностью получить доверие итальянцев через этос и таким образом использовал принципы новой политической риторики.

Концепция свободы (см. Выше) может сочетаться с частым использованием в Берлускони прилагательного *libero* используемого для определения, например, рынка, общество, творчество, экономики, граждан и судебная власти. Кроме того, прилагательное *libero* используется для указания того, как должна быть политика, правительство и политика, демократия.

Берлускони подчеркивает необходимость сильного правительства. Как мы видим частое использование прилагательное *forte* в своей речи.

Глаголы

Анализ глаголов, используемых в речах, учитывает глагольные типы и их частота. Речи Берлускони содержат в общей сложности 67 частых глаголов, таких как, что по сравнению с общим количеством слов не соответствует равновесию между существительными, прилагательными. Среди наиболее часто встречающихся глаголов это модальные, *dovere*, *potere* и *volere* [48:65]. В итальянском эти глаголы имеют сильное значение как долг, сила и воля, которые выражают, соответственно, модальность необходимости, возможности и воли. Эти глаголы считаются частично модальными, а также могут быть употреблены в смысле «быть обязанным», «быть способным». А также интересный момент в том, что все эти глаголы используются в первом лице во множественном числе, подразумевая, что не только он один будет все делать, а как бы вместе с народом. Таким обращением еще пользовались в античном Риме, где политики-ораторы того времени часто брали на вооружение философские учения греческих философов риторики как Аристотель и Платон. Государство Аристотель понимает как политическое общение. При этом государство включает в себя предшествующие ему виды общения. Таковыми являются семья и селение. Как естественная необходимость толкает мужчину и женщину соединяться в семью, так и людей, членов сообщества, побуждает к образованию

государства стремление к утверждению своего экономического благосостояния и безопасности.

Изначально государство образовалось из селения, которое является общением нескольких семей. В подтверждение Аристотель приводит примеры греческих патриархальных государств, которые управлялись «патриархами», старшими в роду. Вместе с тем, Аристотель отличает такую власть от чисто политической. Он считает, что политическая власть не должно всецело узурпировать одним человеком, но она является достоянием свободной и равной политической аристократии того или иного сообщества

Аристотель, опираясь на результаты платоновской политической философии, выделил специальное научное изучение определённой области общественных отношений в самостоятельную науку о политике.

Согласно Аристотелю, люди могут жить только в обществе, в условиях политической системы, так как «человек по природе своей существо политическое». Чтобы правильно устроить общественную жизнь, людям необходима политика.

Политика — наука, знание о том, как наилучшим образом организовать совместную жизнь людей в государстве (Аристотель). В зависимости от целей, которые ставят перед собой правители государства, Аристотель различал правильные и неправильные государственные устройства. Аристотель выделял три вида речи: совещательная, судебная и эпидейтическая. [54:86]

Совещательная речь подразумевает под собой — воздействие, направленное на склонение к принятию какого-то мнения, либо наоборот к отказу от него.

Судебная речь — является эмоциональным воздействием на лиц, принимающих итоговые решения относительно дела, и заключает в себе цель в убеждении правильности и достоверности данной стороны.

Эпидейтическая речь — заключает в себе речь, состоящую из хвалы, либо наоборот порицания.

Так как мы видим выше, Берлускони, основываясь на правильное и неправильное государственное устройства Аристотеля, разделяет свою новую политику правительства на правильную и старую политику, как он говорит на неправильное государственное устройство.

Однако самый частый глагол в Берлускони – “fare” [48:65] «делать». Это, наверное, из-за двойного факта, что в итальянском этот глагол встречается в разных контекстах и который часто используется в общем языке вместо определенных глаголов.

Глагол sapere [48:65] часто используется политиками в некотором роде подобно глаголу credere [48:65] *верить*, который может выразить веру (например, *credo in Dio* - я верю в Бога), столько же, сколько и в свое мнение. В речах Берлускони почти все вхождения этого глагола выражают убеждение, например:

“Non credono nel mercato, non credono nell’iniziativa privata [...] noi crediamo nell’individuo” [48:72].

«Они не верят в рынок, они не верят в частную инициативу [...] мы верим в индивидуума».

Другие общие глаголы в мире политики используются политиками, но с другой частотой.

А также политики часто использует местоимение от первого лица во множественном числе как экспресс-тему. Пример из его второй речи, в которой говорит, что глава правительства выглядит следующим образом:

“Noi siamo a disposizione, noi siamo pronti”. [48:72].

"Мы доступны, мы готовы".

«Местоимение от первого лица во множественном числе, позволяет нам отметить упоминание или построение коллективной идентичности. «Мы», по большей части, сообщается Forza Italia или, в более общем плане, правоцентристскому электорат. Цель состоит в том, чтобы создать идентификацию с оратором Берлускони и его партией, подчеркивающими противостояние между нами и ними, где они указывают на старую политику

и левые, которые упоминаются в предложениях без предметного местоимения («не верь»).

Берлускони очень осторожен и старается не потерять внимание зрителей или слушателей. Ему удастся добиться этого участия с частым использованием личного местоимения II лица (вы, voi, -vi) во множественном числе и формы глагола во втором множественном числе

В своих выступлениях вы / вам появляется 16/21 раз. Пример из его выступления 2013 года:

“Allora, come voi sapete bene,” [48:72].

«Итак, как вы хорошо знаете ... ».

Заслуживает внимания привычка Берлускони ссылаться на себя, прибегая к третьему лицу в единственном числе и часто цитируя свое имя / фамилию, как показывают примеры ниже:

“Per questo vogliamo affermare il diritto di un cittadino e ancor più di chi è stato eletto dal popolo a chiedere e a ottenere la revoca e la sostituzione di un PM o di un giudice che militi in una corrente della magistratura ideologizzata e politicizzata, che lo considera un nemico politico e usa contro di lui l’arma della Giustizia per combatterlo e danneggiarlo.” [48:72].

“Вот почему мы хотим подтвердить право гражданина и даже больше тех, кто был избран народом, чтобы попросить и получить отзыв на замену премьер-министра или судьи, который воюет в идеологизированной и политизированной судебной системой, которая считает его политическим врагом и использует оружие правосудия против него, чтобы бороться с ним и уничтожить его.”

Видите ли, кто-то говорит о Берлусконизме, кто-то другой сказал что Сильвио Берлускони уже не просто имя человека, а название истории.

3.5. Стилистическое и фразеологическое своеобразие современного итальянского политического дискурса

Использование фразео-стилистических приемов в политическом дискурсе частое явление, так как основной целью политика является овладение сознанием аудитории. В своих речах они акцентируют свое внимание на формирование изящных языковых средств для эффективного манипулятивного образования политического дискурса. Благодаря этому они достигают своей цели. Свообразием политического дискурса Италии в современном мире можно сказать это усложнение простого, таким образом абстрагировать точное. Для осуществления своей цели человек политики может использовать разнообразные лингвистические средства: фонографические, лексические, морфологические категории, синтаксические конструкции, текстовые категории.

Мы изучим официальную выступления итальянского политика в парламенте Giuseppe Conte. Для определения структуры предложений для манипулирования, будет также использован описательный метод, который позволит выявить все возможные фонографические, лексические и грамматические языковые инструменты речевого манипулирования, а также позволит определить истинную суть политических высказываний политического деятеля. Свою речь Giuseppe Conte начинает с приветствия

Signor Presidente, gentili Deputate, gentili Deputati, prima di avviare le mie comunicazioni in quest'Aula, concedetemi innanzitutto di rivolgere un saluto e un ringraziamento al Presidente della Repubblica, il quale anche in queste ultime fasi sì determinanti per la vita della nostra Repubblica, esercitando con scrupolo le proprie prerogative costituzionali, ha guidato il Paese con equilibrio e saggezza ed è stato un riferimento imprescindibile per tutti [61].

Для того, чтобы привлечь внимание аудитории и создать контакт. В начале своего выступления Giuseppe Conte уже использует лексические инструменты речевого манипулирования коннотацией, благодаря чему оратор воздействует на аудиторию, тем что высказывает свое глубоко

уважительное отношение к президенту и ко всем присутствующим членам сената, например:

“Oggi ci presentiamo per chiedere a Voi, rappresentanti del popolo italiano, la fiducia sul nuovo Governo, che sarà mio compito guidare con “disciplina e onore” [61].

Словосочетание *la «fiducia sul nuovo Governo, disciplina e onore»* является уточнением, позволяющее обратить внимание, что данная политика не будет такой, какой она была раньше. А основной смысл данного предложения передает то, что он просит у народа доверие на новое государство, которое будет управляться им, т.е. он просит выразить ему доверие. В предложении уже используется словосочетания, которые является уже стилистической коннотацией, что передает всему выражению глубоко позитивный окрас. В предложении

Mosso dal primario obiettivo del perseguimento dell'interesse nazionale, ho sempre inteso il mio ruolo di Presidente del Consiglio come servizio al Paese. Nell'esercitare le funzioni di direzione e di guida della politica generale del Governo, ho cercato di guardare sempre al bene comune, senza lasciare che prevaricassero interessi di parte o le convenienze di singole forze politiche[61].
Является стилистической коннотацией, что позволяет политику наиболее точно передать свое отношение к правлению государства. Грамматический инструмент речевого манипулирования мы можем видеть в *servizio al Paese*-служить Родине как стилистический прием, который окрашивает речь. Также в продолжении

“All'inizio di quest'esperienza, dichiarai che sarei stato l'Avvocato del popolo, promettendo di difendere i cittadini che da subito mi hanno dato fiducia. Proprio in ragione di ciò, devo oggi concludere: la decisione della Lega, che ha presentato mozione di sfiducia e ne ha chiesto calendarizzazione, oltre ai comportamenti chiari e univoci, mi impongono di interrompere qui quest'esperienza di Governo. Ovviamente ascolterà con estrema attenzione tutti gli interventi che seguiranno, ma voglio preannunciare che intendo completare questo

passaggio istituzionale nel modo più lineare e conseguente. Alla fine del dibattito mi recherò dal presidente della repubblica per comunicare l'interruzione dell'esperienza di governo e rassegnare nelle sue mani le mie dimissioni da Presidente del Consiglio” [61].

Следует обратить внимание на то, что все предложения излагает, используя глагол в первом лице в единственном числе, в отличие от других политиков, которые говорят используя NOI- МЫ. В этой части его речи мы видим основной смысл в том, что он будет адвокатом народа и намерен всячески защищать народ. Последнее предложение является важнейшим, так как он указывает на его правильный путь в политике, а если этот путь будет неправильным, он попросит президента о своем увольнении от поста премьер министра. Таким образом, говорящий подчеркивает значимость данного слова в этом контексте. Можно наблюдать применение говорящим нескольких лексических инструментов речевого манипулирования в одном предложении является экспрессивной коннотацией.

В политическом дискурсе реализуются стратегии стандартизованности, информационной полноты, краткости, логической ясности, убеждения. Функция воздействия (убеждения) является важнейшей для политического языкового пространства и обуславливает острую потребность политической сферы общения в оценочных средствах выражения. На лексическом уровне в политическом дискурсе задействованы из литературного языка почти все средства, обладающие свойством оценочности. В качестве примера можно привести такие оценочные слова как *clicca dominante*, *voltefaccia politica*, *scribacchino*, *rush lavoro*, *biblicismi* “*scapego* и т.д.[57:21]

Однако в политическом дискурсе используется не только готовый материал, политические клише и шаблоны. Под влиянием воздействующей функции политического дискурса публицистика преобразует, трансформирует слова из разных сфер языка, придавая им оценочное значение. Для этой цели используется также специальная лексика в

переносном значении: *politica falsa, tragedia legale, parodia sulla democrazia, drama di tutta la nazione, maratona pre-elettorale*[57:21].

Воздействующая сила публицистического стиля проявляется и в синтаксисе, конструкции которого, как правило, сжаты, емки, лаконичны, в нем, в отличие от научно-технического языка, редко встречаются сложные грамматические конструкции и обороты. Таким образом, реализуются стратегии стандартизованности, стратегия информационной полноты, краткости и стратегия логической ясности.

Риторические стратегии и тактики позволяют выявить национально-культурную специфику конкретного политического дискурса. Национально-культурная специфика политического дискурса обуславливается тем обстоятельством, что являясь важной сферой жизни общества, политическая коммуникация отражает его основные социокультурные процессы, в том числе и уровень его национального самосознания. Как отмечает Н.В.Сальникова, прагматика политической коммуникации, характеризующаяся высокой степенью интенциональности и определяющая речевое воздействие как основную цель коммуникации, основывается, в первую очередь, на манифестации национально-культурных ценностей, которые определяют политический курс ратора. Национально-культурные ценности, будучи базисными установками этноса, переходят в устойчивые компоненты национального самосознания, образуя единство взглядов и убеждений политического ратора и народа [6:7].

Соответственно национально-культурная специфика проявляется на всех уровнях речевого воздействия – этоса, логоса и пафоса. Так, этос речей итальянских политиков составляют такие базовые для итальянского общества ценности, как свобода личности, патриотизм и др., использование которых позволяет им добиваться доверия аудитории и решения своих стратегических целей. При анализе этносных характеристик итальянской лингвокультуры исследователи выделяют такие национально-культурные ценности итальянского общества конца XX –начала XXI вв. как личный

успех, активность и упорный труд, эффективность и полезность, независимость и самодостаточность, прогресс, свобода личности, перемены, соперничество, состязание, свободное сотрудничество, волонтерство и гуманизм, наука и образование. Они находят свое отражение в речах политических деятелей в качестве национально-культурной составляющей их риторики. Например, этос риторики Министра культуры и культурного наследия Италии Альберто Бонисоли, которого принято считать «великим коммуникатором», составляют такие ценности, как свобода личности, свободное сотрудничество, патриотизм и др. Опираясь на данные ценности, являющимися общеитальянскими, Альберто Бонисоли сумел добиться доверия народа, сумел оказать существенное воздействие на мировое развитие в развитии культуры. С точки зрения категории логоса для публичных выступлений А.Бонисоли характерно использование прагматически релевантных средств убеждения. Исследователи отмечают богатство и разнообразие его лексикона, определенность и точность используемых понятий, правильность, чистота, лаконичность и связность речи, композиционная стройность, уместность, целесообразность и логическая завершенность высказывания. Логос ритора характеризуется умением говорить убедительно и уверенно, призывая общество к действиям и переменам. Пафос публичных выступлений создается набором лингвориторических средств, среди которых наиболее прагматически значимыми являются метафора, анафора, эпитет, антитеза, анадиплозис, риторический вопрос. Особенности пафоса лингвориторической традиции итальянской культуры характеризуются обширным набором экспрессивных средств создания выразительности. Для итальянского публичного выступления, помимо вышеуказанных лингвориторических средств, характерно частое использование шуток, анекдотов, рассказывание притч, что особенно ярко проявлялось в национально-культурной риторике А.Бонисоли. Особенно важным в коммуникации А.Бонисоли было создание образа «своего простого человека», находившего для всех слова сочувствия и

поддержки. Для речей А.Бонисоли характерно частое использование метафор, некоторые из которых превратились в крылатые выражения. Так, используя метафору «открытая стройка». В общественно-политическую лексику это выражение вошло после того как А.Бонисоли в качестве министра Италии использовал его применительно к России-Италии. В скором времени будут сданы два «объекта» русско-итальянской «стройки».

Межнациональные отношения являются одной из болевых точек современной политической жизни. Неосторожные высказывания политических деятелей могут спровоцировать межнациональные конфликты, поэтому вступая в коммуникацию говорящие должны быть предельно осторожными в своих высказываниях, касающихся сферы межнациональных отношений.

В современном политическом дискурсе активно используются как ресурсы, которые были охарактеризованы еще в древних риториках, так и новые, созданные и осмысленные в рамках постмодернистской эстетики, в том числе интертекстуальность и интерстилевое тонирование, допускающее использование разных стилей речи. Современный политический текст часто строится и воспринимается как своего рода диалог с другими текстами: автор развивает и детализирует высказанные ранее идеи, полемизирует с ними, дает свою интерпретацию фактов, подчеркивает собственную позицию. Такой текст оказывается насыщенным множеством скрытых и откровенных цитат, реминисценций, аллюзий, прецедентных метафор; его полное восприятие возможно только в дискурсе, с использованием множества фоновых знаний из различных областей.

Выводы по Главе III

Лингвистическое своеобразие итальянского дискурса является использованием множества фразеологических единиц, а также особенность построения экспрессивного текста. Эта глава является доказательством теории того что итальянские политики в своей речи пользуются простой

лексикой часто используя метафоры и преувеличения но также не используют категорически отрицающую речь по тому или иному вопросу. Если быть точнее, часто они не конкретно аргументируют особо важные моменты в политике, усложняя свою речь. Анализируя речь нового главы парламента с предыдущим, мы приходим к тому, что оба политика часто прибегают в своей речи к политическим изучениям Аристотеля, т.е. к этосу и пафосу. Целью анализа в этой главе является то, что насколько политики используя в своей речи слов, касающиеся культуры Италии и жизненных ценностей итальянцев могут повлиять на их реакцию. Эта работа больше затрагивает психолингвистику, новое направление в лингвистике, где речь является инструментом, влияющим на подсознание человека. В данной работе анализ лингвистического построения политического дискурса, который тесно связан с подсознанием народа. Так как стилистические приёмы и частота используемых морфологических единиц политиками направляются на народ, на избирателей и в первую очередь их задачей является повлиять на их выбор. В этом случае их политическая речь является оружием, направленным на сознание избирателей. Когда итальянские политики произносят речь, они много говорят о семье, свободе и о вере или религии, так как каждый итальянец в своей жизни ценит это. Особенно во время предвыборной кампании политики очень красноречивы. Поэтому большая часть наших анализов обращает внимание на предвыборную речь политиков. Отличительным моментом в политической речи Италии является экспрессивная коннотация, так как народ Италии считается очень эмоциональным и общительным (*La gente solare*).

Уместно также подчеркнуть изучение политического дискурса нами в дальнейшем для понимания и отличия между информативным и полезным текстом от манипуляции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Чтобы выдвинуть гипотезу об определении политического дискурса в соответствии с лингвистическими критериями релевантности, необходимо рассмотреть построение политического дискурса. Политический дискурс можно анализировать совершенно разными методами: от лексического подхода, который ограничен синхронными и диахроническими аспектами словарного запаса; синтаксическим подходом, который оценивает грамматические особенности предложение за предложением (не задавая обязательного вопроса о дискурсивной связности); риторике, которая, предлагая общую и последовательную дискурсивную схему (*inventio*, *dispositio*, *elocutio*), далека от предоставления строгих инструментов для познания аргументов и троп. С другой стороны, проблема, которую мы хотели бы решить, здесь более сложна и требует фундаментальной оценки, как и многие другие речи. Политическая речь не просто «представительная» речь. Она не может быть описана как набор утверждений в когнитивных отношениях с реальностью, но она должна быть охарактеризована как дискурс в поле, предназначенный для вызова и ответа, отговорить и убедить; речь представителей политики, чтобы преобразовать портрет политика и отношения между ними, а не только средами, чтобы воспроизвести реальность.

Семиотический анализ политического дискурса должен учитывать его семантическую согласованность и его силу среди его слушателей. Общая гипотеза о его структуре идет рука об руку с описанием дискурсивных стратегий и прояснением различных форм формулировок, спорных или договорных, которые представляют принципы функционирования настоящей «силовой» грамматики. «Богатый» анализ политического дискурса должен воспроизводить однородность, не отказываясь от умножения разнообразия. В этом смысле политические деятели, зачисленные в речь, имеют виртуальный репертуар действий и страстей и «ноу-хау», которые позволяют им после обновления достичь своей цели, предвидя ожидаемые результаты в тексте.

Среди критериев строительства политической речи и его принципов актуальности позволяющих проанализировать, также политический дискурс должен иметь соответствия с новой типологией, которая играет важную роль формулировка и ее тактика, построение и дискурсивных изотопий и игра способов, которыми политический дискурс строит свою силу. Для этого необходима, с одной стороны, теория, которая сужает область до определенного числа фундаментальных принципов, а с другой - необходимость расширить определение текста, которое учитывает возможные категоризации речи и ее описательный метаязык. Вероятно, существуют в политическом дискурсе дифференцированные дискурсивные формы, которые имеют различную силу и эффективность в соответствии с правилами и страстными трансформациями, которые их определяют.

Для нашего анализа мы прибегали к определениям текстовых и неконтекстных измерений; есть ли интертекстуальность в политической речи, его способы и формы изложения, а также возможные разновидности. А также мы попытались различить политический дискурс от всех остальных. Так как имеет мест быть исторические и культурные особенности политического дискурса мы также приводим примеры именно по историческим корням итальянского дискурса.

Чтобы иметь модель политической компетенции докладчика, в текстовом анализе должны быть четко определены критерии грамматического построения политического дискурса. то есть, он должен попытаться собрать и выделить аспекты речи, которые должны быть описаны, и соотнести эти аспекты с учетом описания структуры и функционирования с языковой системой. Семантическая структура затем конфигурируется как комбинация категорий в высказываниях, которые описываются и обосновываются семантическими правилами и позволяют учитывать эффективное использование языка. Семантическая структура высказывания должна объяснять акты высказывания, объектом которых оно является. В семантической характеристике высказывания вводит

определенный тип употребления, не аргументативный, а относительный к иллокутивным актам. Проблема состоит в том, чтобы оправдать введение марок речей, приписываемых утверждению, учитывая, что они составляют «функцию», которая время от времени различает множество ролей, которые утверждение может играть в реальных случаях, и прямо заявляет о них.

Один из основополагающих принципов текстовой согласованности политического дискурса состоит в выявлении набора предпосылок каждого отдельного утверждения (как особого типа иллокутивного акта, который устанавливает определенные правила для продолжения речи), и набора выводов, которые им поддаются, поэтому условие согласованности означает не отсутствие противоречий, а интеграцию нескольких утверждений в тексте.

Грамматика политического дискурса поэтому имеет цель не высказывания, а типы связи между высказываниями, между дискурсивными формами, которые имеют различную силу и эффективность.

Исследование обнаружило соответствие между политической «логикой» и стратегической грамматикой; задачей текстового подразделения будет учесть двойное значение, которое пересекает контент в соответствии со слушателем. Изучение определенных действий, движений, тактик, стратегий, значение которых не в описании, а в реализации, становится важным; акты власти, личные обязательства, соглашения заключаются при совершении определенных действий (перформативное высказывание).

Изучение формулировки касается лингвистических особенностей, присутствующих в тексте, которые характеризуют присутствие энкунификатора и энунциатора. Политический дискурс не только создает в тексте образ говорящего, но и программирует присутствие принимающего экземпляра, используя методы, которые активируют контракт на передачу. В этом случае политический дискурс не ограничивается только передачей информации, но и программированием фигуры хорошего слушателя, образа, которого можно или нельзя придерживаться. Речь тогда становится процессом, в котором непрерывные инструкции даны, чтобы слушать

«хорошо»; таким образом, политический дискурс усиливает одно из его содержаний с помощью ознакомительной стратегии: «вы не поняли» или «давайте вернемся». Другими словами, сложные, лингвистически отмеченные стратегии уже существуют на уровне образования, что позволяет нам увидеть, как политический дискурс определяет положение высказывающего субъекта, взаимно определяет Я-вас и манипулирует ими. Эта проблема заключается в более сложном анализе авторитетных фигур и манипуляций в том смысле, что они «созданы для выполнения», соответствующих модальной структуре активного типа и контрактной структуре.

Механизм манипуляции, который описывает изменения формального положения политического дискурса, представляет собой стадию процесса производства знаний, понимаемого как «познавательное действие», и, в отношении знания, понимаемого как консолидированный объект (чтобы сделать известным), представляет собой результат познавательный как объект, приобретенный реципиентом. Это означает, что одна и та же речь имеет двойную функцию: она представляет одновременно «делай» и «дай людям знать», так что это совокупный процесс производства и передачи. Различные модальные операции в дискурсе представляют собой системы регулирования и посредничества между различными примерами, так что текстовая организация, вероятно, преобразует роль дискурса и приобретает разные значения. Для микроанализа манипуляции и когнитивного дискурса может быть важно получить описание убедительной модели и интерпретативной модели и очертить объект анализа на основе «программы» субъекта, модализированной с помощью необходимость дать людям знать / хотеть.

Полилингвистическое исследование перспектив политического дискурса должен оценить не только различные типы утверждения, но также и набор правил, которым подчиняется дискурсивное действие субъекта. Согласно логике аппроксимации, можно идентифицировать постепенность /

необходимость делать / (деонтическое действие), понимаемую как аналог в императивном договоре, заключенном между актантами, в котором / желающий сделать / объявляющий субъект оказывается облеченным в новую и совместную модальность с / нужно делать /. Это вопрос восстановления различных типов выражений на уровне интерпретации: «необходимо», «необходимо», «должно», «это действительно так», в котором необходимость есть не что иное, как форма / обязанность /, полученная с помощью механизма активного дebreжа, который делает речь безличной и представляет место, где субъект изложения не только программирует свою речь, но и проецирует свои организационные правила, представляя их в форме тестов, препятствий, инструкций, предложений, которые приводят к / не могут не делать / со степенью приближения к / необходимости делать /. Явным примером к такой речи мы представили речь Берлускони.

Анализ микропроцессов, составляющих текстовую организацию политического дискурса предлагает исследование не только методов организации дискурсивных практик, но также и анализа в социальной практике правил применения, следовательно, условий и ограничений, в которых речи программируются и ориентируются в соответствии с необходимостью сохранения власти. Изучение модальностей / власти / и / знания /, которые характеризуют каждый убедительный дискурс, является лишь предпосылкой для более широкого дискурса о других модальностях (воля, долг, вера), о перемодализациях и комбинациях, которые прагматический подход должен оценивать, изучая микроструктуры процесса общения. Власть работает не только в смысле собственного обслуживания, но, прежде всего, стремится к более стабильной организации, причем не столько к макроструктурам в учреждениях, сколько к правилам применения в микроструктурах.

В заключении можно сказать, что данный лингвистический анализ современного политического дискурса выдвигает на теорию, что с лингвистической и с психолингвистической стороны политический дискурс

не полностью изучен. Политический дискурс в нашем случае современной Италии, а также речь политиков Италии, которая имеет не только функцию информирования, но а также манипулирования слушателя, показывает, что важнейшим фактором с лингвистической стороны - это построение предложения и выбор более значимых слов для того или иного народа. Основываясь на этом принципе в данной работе, мы также обратились к политической историю Италии, где обнаруживаются корни нынешней политической речи.

В итоге, мы приходим к убеждению, что политический дискурс в Италии, как и сам язык, изобилует разнообразными средствами выражения, среди которых особое место занимает метафора. Современный политический дискурс, как и сам народ Италии яркий, эмоциональный и экспрессивный, но, в тоже время, понятный и эффективный.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамян С. А. Англоязычный политический дискурс в межкультурном контексте. – Ереван: Изд-во ЕГУ, 2016. – С.534
2. Абрамов С. Н. Герменевтика, интерпретация, текст // *Studia Linguistica* 2. — СПб., 1996. — С. 114—119.
3. Аврорин В. А. Проблемы изучения функциональной стороны языка: К вопросу о предмете социолингвистики. — Л., 1975.
4. Адмони В. Г. Система форм речевого высказывания. — СПб., 1994.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. — М., 2001.
6. Андреева Г. М. Социальная психология. — М., 1980.
7. Апресян Ю. Д. Перформативы в грамматике и словаре // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* — 1986. — Т. 45, № 3. — С. 208—223.
8. Арутюнова Н. Д. Национальное сознание, язык, стиль // *Лингвистика на исходе XX века. Тез. докл. междунар. конф.* — М., 1995. — Т. 1. — С. 32—33.
9. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. — М., 1976.
10. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — М., 1998.
11. Архипов И. К. О демистификации и демифологизации языка // *Studia Linguistica* 2. — СПб., 1996. — С. 8—14.
12. Академический проект, 2008. – С.394-401
13. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров// Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979
14. Базылев В. Н. Новая метафора языка (семиотико-синергетический аспект): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — М., 1999.
15. Баранов А. Н., Сергеев В. М. Естественная языковая аргументация в логике практического рассуждения // *Мышление, когнитивные науки, искусственный интеллект.* — М., 1988(b). — С. 94—119.
16. Баранов А. Н., Сергеев В. М. Когнитивные механизмы онтологизации знания в зеркале языка (к лингвистическому изучению аргументации) // *Уч. зап. Тартуск. гос. ун-та. Труды по искусственному*

интеллекту. — Вып. 793: Психологические проблемы познания действительности. — Тарту, 1988(a). — С. 21—41.

17. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1994

18. Валгина Н.С. Теория текста. — М., 2003

19. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971

20. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963

21. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981

22. Гак В.Г. Повторная номинация на уровне предложения// Синтаксис текста. М, 1979.

23. Гальперин И.Р. Членимость текста: Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 125. М., 1978.

24. Гвенцадзе М.А. Коммуникативная лингвистика и типология текста. Тбилиси. 1986

25. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Д.Б. Гудков // Язык средств массовой информации. — М.,:

26. Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка.

27. Каменская О. Л. Текст и коммуникация. — М., 1990.

28. Карасик В. И. Язык социального статуса. — М., 1992.

29. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М., 1987

30. Краснова Т.И. Анализ политического дискурса: подходы и категории // Политическая лингвистика. 2013, №2

31. Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин . — М. 1989. — С.236

32. Кожина М.Н. Стилистика в соотнесении с лингвистикой текста// Теория и практика преподавания русского языка и литературы. М., 1980

33. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. М., 1982. С. 102.

34. Кохтев Н.Н. Риторика. - М., 1996.
35. Куксова М.Ю. Лексико – синтаксические средства воздействия в современной политической речи // Ярославские педагогический вестник. 2011, № 2, Том I (Гуманитарные науки), - С,168-172,
36. Маркович А.А. Аргументативная коммуникация (Текст)/ А.А. Маркович // Методология исследования политического дискурса : Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов: сб. трудов .- Вып. 1. – Минск,1 С. 412-421.
37. Макаров М. Л. Ролевые установки и понимание в групповом общении // Психолингвистические проблемы семантики.— Тверь, 1990(б). — С. 116—121.
38. Михальская А.К. Основы риторики. От мысли к тексту. — М., 1996.
39. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. №2/ Сост. И общ. ред. И.Ф. Ухвановой, Шмыговой /. – Минск: БГУ, 2000.- С.479
40. Одинцов В.В. Стилистика текста. — М., 1980.
41. Солганик Г.Я. От слова к тексту.— М., 1993.
42. Солганик Г.Я. Стилистика текста. — М., 1995.
43. Хартманн П. Текст, тексты, классы текстов// Проблемы теории текста: Реферат, сб. М., 1978.
44. Шанский Н.М. Художественный текст под лингвистическим микроскопом. — М., 1986.
45. Шейгал Е.И. « Семиотика политического дискурса» — В., 2000
46. Фрумкина Р.М Психолингвистика, М- 1999
47. Энциклопедический словарь юного филолога. — М., 1984.
48. Benedetti Amadeo “ Il linguaggio e la retorica della nuova politica italiana. Silvio Berlusconi e Forza Italia” ERGA edizione, 2004
49. Caniglia Enrico “ Forme della comunicazione politica” UTET Universita’ edizione, 2013

50. Cosenza Giovanna “ Semiotica e comunicazione politica” Laterza collana edizione, 2018
51. Cedroni Lorella “ Politolinguistica. L’analisi del discorso politico” Carocci collana edizione,2014
52. Cedroni Lorella “ IL linguaggio politico” Carocci collana edizione,2002
53. Lakoff George “ La liberta’ di chi?” Codice collana edizione,2008
54. Lanaro Silvio “ Retorica e politica. Alle origini dell’Italia contemporanea” Donzelli collana Saggi edizione, 2011
55. Maurizio Dardano e Pietro Trifone Grammatica Italiana - Milano,1991
56. Maurizio Dardano “Il linguaggio dei giornali italiani” Armanda Curcio editore, 2003
57. Maria Luisa Pesante “Come servi” Franco Angeli edizione 2013
58. Marco Marazzi e Stefania Schipani “ Political Science” Mazzanti libri edizione, 2014
59. Noam Chomsky “ Linguaggio e politica” Di Renzo editore, 2014

Электронные ресурсы

60. www.treccani.it
61. www.ilfoglio.it
62. www.lastampa.it
63. www.corrieredellasera.it
64. www.ilmessaggero.it
65. www.learnamo.com
66. www.repubblica.it
67. www.wikipedia.it